26.89(2Рос-6Хан-5Окт)
К 59 КР

Василий КОКОВИН

А жизнь продолжается...

Октябрьское 2010 г.

80 ЮГРА

80 - летию Югры посвящается

Василий КОКОВИН

А жизнь продолжается...

Октябрьская библиотека от писателя Югры. Коковин

10.02.2011 г. г.т. Октябрьское

Муниципальное учреждение культуры п. г.т. «Межпоселенческая библиотека Октябрьского района» Отдел комплектования и обработки литературы

030533-1 4Б

Октябрьское 2010 г.

А жизнь продолжается...

Василий Ковогин

СТАРЫЙ КЕДР

Кедр могучий, хозяин тайги.
Ветви склонил он до самой земли.
Много веков богатырь простоял,
берег великой Оби охранял.
Мы с ним знакомы довольно давно,
Видимо, с другом мне повезло.
Я теперь часто к нему прихожу,
Душу излить, да и так посижу.
Мудростью мой великан пообброс,
Многое видел за столько веков.
Слышал он, как вырубалась тайга,
План выполнялся за пайку тогда.
Видел и то, как большой теплоход,
Ссыльных на север увозит народ.
Он наблюдал разработку полей,
Люд умирающий, прямо у пней.
С песней и пляской рождался колхоз,
Медленно вырос за ним леспромхоз.
Старый и мудрый рассказывал мне,
Много историй о нашей Югре.
Как-то однажды, он ветви склонил,
И осторожно меня попросил:
«Ты, уж пожалуйста, не подведи,
Все что рассказывал я, напиши».
Я растерялся: « Ведь я не писал!».
«Сможешь! Напишешь!»-
Он мне прошептал.
Вот и стараюсь, слово держу,
Книгу о нашей Югре напишу.

Александр Васильевич КОКОВИН

Наш мир открывается не каждому.
Надо иметь в сердце самоцвет,
чтобы услышать зов природы.
«Маленькая сага»

СЛОВО ОТ АВТОРА

По кустам и верхушкам сосен шуршит ветер. Небо заволакивают облака. Разномастные, они спешат в одну сторону и постоянно меняют очертание. Превращаются в больших птиц и мчатся, раскинув перистые крылья... А вон лик деда, а это - женская улыбка с кудрявой головой... Живые, трепещущие облака плывут над лесом и словно кивают, кивают земле.

Как же больно и обидно, когда наши дети забывают о своих предках, о том, кто подарил им жизнь, научил их жить. Наше бессмертие действительно в детях, детях, которые о нас помнят, которые нас чтят. Столетиями люди стремятся увековечить себя и оставить след в жизни, чтобы о них помнили. Недаром на протяжении жизни люди создают шедевры, открывают и называют в свою честь острова, звезды, а также пытаются изобрести вечный двигатель. Ведь пока помнят о предках - жива история.

Мне восемьдесят лет, но постоянно в голове, как кадры старинного фильма, прокручивается моя жизнь, и жизнь моих предков, и все, что я сделал за эти годы, прожитые, надеюсь, не зря.

В этой книге, дорогой мой читатель, я хочу рассказать о своей довольно не простой, но очень интересной и захватывающей жизни, рассказать ту суровую правду 20-30-х годов 20-го столетия, которую не напишут ни в одном учебнике истории. Правду, основанную на архивных материалах и рассказах близких и родных мне людей, которые жили в ту жестокую эпоху скорби и боли.

Еще я хочу посвятить эту книгу всем, кто жил в годы репрессий, и их близким и родным, которые выжили, не смотря и вопреки всему. Тем, кого уже не вернуть.

ПРЕДКИ

В какую пору родились наши Уральские горы? В пору далекую под звездою высокою, камни, деревья... все очень древнее. Голубые озера, камыши густые. Европа — Азия в венке России. Животные дикие, птицы лесные, травы и ягодники густые, красивые, светятся голубыми, сверкающими опенками. Так и сверкают хрустальными искрами луга из горца змеиного и альпийского!

Ильменские горы уже много лет славятся своей красотой. Юго-восточный Уральский хребет величаво светится над всем Уралом. Самой высокой здесь по праву называли вершину горы Ильменьтау. К тому же, кроме лесистых гор, почти тридцать жемчужных озер…Красота! Множество имений Южного Урала названо по фамилии первопереселенцев, а вот деревня Верхние Караси Челябинской области Чебаркульского района - по названию реки. Деревеньку Верхние Караси образовали 30 семей из Чебаркульской крепости, которые в 1769 году переехали сюда.

В своем дневнике профессор К.Н. Теплоухов пишет о деревне Караси: «Во времена пугачевского бунта село Верхние Караси только основалось, приехало 40 семей из города Кунгур и 30 семей казаков из Чебаркуля».

И поселились здесь навечно и мои предки. Жили здесь из поколения в поколение. Имели свои пятистенные дома, усадьбы, сеяли пшеницу, рожь, овес и другие культуры, содержали скот, до двадцати коров имели, а овец, кур, гусей и не перечесть. Мой дед, отец моей матери, был купец первой гильдии, владелец магазинов, торговал мануфактурой, золотом и другими товарами, его звали Кашигин Егор Поликарпович.

Постоянных работников мой дед не содержал, делали все сами: ухаживали за скотом, косили сено, занимались огородом. Во время уборочной и посевной страды Егор Поликарпович нанимал наемных работников. Кашигины не скупились на оплату, хорошо кормили, и отказа в рабочей силе не было. Семья у Егора Поликарповича была большая, пятеро детей. Старший - сын Василий, он погиб на войне 1914 года, и четыре дочери: Лидия, Олимпиада, Татьяна и Елизаве-

та. Когда дети подросли, все получили образование, все были обучены разным ремеслам. Девочки обшивали всю семью, вязали носки, варежки и свитера. Одинаково хорошо владели как спицами, так и крючком, а также ткали и вышивали. Ухаживали за скотиной, доили коров, могли замесить тесто и печь хлеб. Мама до конца дней была чудесная мастерица в кулинарном деле, по выпеканию пирогов и булочек ей не было равных, даже когда выросли мои дети, они очень долго вспоминали бабушкины постряпушки.

Но вернемся к дочерям моего деда. Шли годы, и дочери Кашигина взрослели. Наступила пора влюбленности. Молодая красивая средняя дочь Олимпиада однажды в гостях у подруги увидела молодого статного офицера, которого звали Андрей. Долгое время Андрей добивался внимания гордой и неприступной Олимпиады. Тайные встречи, поцелуи и объятия украдкой. Мимолетные взгляды во время бесед при посторонних людях. Так могло продолжаться вечность, если бы Олимпиада не поняла, что любит всем девичьим сердцем этого простого парня из бедной семьи. Минуты расставания для влюбленных уже превращались в вечность, и жить друг без друга им уже казалось невозможным. Но омрачало счастье молодых лишь одно - как же отреагирует волевой и суровый отец Олимпиады? Однажды, набравшись смелости, Олимпиада рассказала о своей тайной любви младшей сестре:

- Жить без него не могу, это то чувство, от которого летать хочется. Мне с ним так хорошо. Когда он рядом, я обо всем забываю. Он сделал мне предложение.

На что младшая сестра лишь покачала головой и ответила:

- Пия, бежать вам тогда надо и тайно обвенчаться, а вот когда женой будешь, приедешь к отцу и все расскажешь. Сейчас вашей любви он не поймет. Он тебе в мужья другого прочит.

Прислушавшись к словам своей сестры, Пия с Андреем решили бежать под покровом ночи. Дождавшись темноты, когда все уснули, Пия тихо собрала котомку с вещами. Оглядев прощальным взглядом комнату, в которой провела детство, девушка вышла к любимому с мыслью о новой жизни, мечтая и рисуя в воображении их счастливую и беззаботную семейную жизнь. Ждавший у крыльца Андрей встретил любимую, взял у нее котомку с вещами. Вместе они направились к ближайшей деревне, чтобы поутру обвенчаться.

Поутру, обнаружив пропажу дочери, Егор Поликарпович пришел в бешенство, разгневанный, он начал расспрашивать дочерей, при-

грозив отправить их в монастырь, если те не расскажут, где прячется их сестра. Младшая дочь Татьяна, испугавшись гнева отца, рассказала тайну своей сестры:

- Папочка, Олимпиада его очень любит, и ты уже опоздал, они должны поутру обвенчаться.

Злости Егора Поликарповича не было предела. Разгневанный, он вскочил на тройку лошадей (у него была шикарная выездная тройка с каретой) и погнал в церковь. Не успел батюшка обвенчать молодых, дед взял дочку за руку и увел из-под венца.

Шел суровый, смутный, революционный 1917 год, который не захватил эти деревни своим бунтарством, и мои деды жили по- прежнему. Олимпиаде уже исполнилось 19 лет, но она совершенно равнодушно смотрела на парней и как бы уже стала засиживаться в девках, она не могла забыть Андрея…

Как–то на одном из гуляний, в котором принимали участие и уральские казаки, приглянулась 18-летнему казаку – удальцу Ивану свет Дмитриевичу одна из сестер Кашигиных, Татьяна. В хозяйстве казака Коковина Дмитрия Осиповича нужна была работница, решили женить Ивана. Хотели посватать Татьяну, дочь купеческую.

И встретил купец Кашигин сватов, как положено, только заявил, зачем же он будет выдавать замуж младшую дочь Татьяну, когда на выданье постарше - Олимпиада. Самая старшая дочь Лида уже была замужем. Позвали Олимпиаду, спросили ее согласие, она ответила: «За кого хотела выйти замуж, за любимого Андрея, не отдали, а теперь хоть за быка отдавайте». Значит, согласна. Сыграли свадьбу.

На свадьбе отец Олимпиады не скупился на приданное, дал Ивану за свою купеческую дочь породистого жеребца, корову, чтобы будущих деток молоком поила, и золотое кольцо высшей пробы. Пожалуй, это и было все богатство молодых. Несмотря на трудности и невзгоды, мои родители прожили вместе долгую и счастливую жизнь, не дожив до золотой свадьбы полгода.

После свадьбы Олимпиада переехала в семью мужа. Дед Ивана был урядником, звали его Ширяев Дмитрий Осипович. В 1878 году урядник Дмитрий Ширяев в деревне Верхние Караси открыл школу. В 1889 году в деревне работала подпольная типография, которая располагалась в доме урядника Ширяева. Кроме различных листовок в типографии печатались сборники «Пролетарская борьба». Вот такой необычный был урядник.

Бабушка моя - Татьяна Дмитриевна, 1883 года рождения, - дочь урядника Дмитрия Ширяева. В селе эта фамилия была всем известная. Бабушка Татьяна вышла замуж за удалого казака из деревни Непряхино, что недалеко от деревни Верхние Караси. Стоит эта деревня Непряхино на берегу чудесного озера. А озеро там красивое, вода прозрачная, на глубине трех метров видны все камушки и водоросли. Около берега камыши, а в озере полно рыбы: окунь, карп, карась, плотва…

Мой прадед был отменным рыбаком. И как у большинства рыбаков у него были на этот счет свои приметы. Бывает, лежит он на печи, придет время ловушки смотреть, сети, вентеря, слазит с печи, собирается на озеро. Выйдет на улицу и, если встретится женщина, то он возвращается обратно домой, говорит:

- Плохая примета, рыба ловиться не будет!!! Либо будет скудный сегодня улов.

Потом забирался на печь и дальше продолжал спать. И так мог уходить и возвращаться несколько раз, пока на дороге не встретится мужчина. Но, несмотря на приметы, в доме всегда была рыба.

И вот в 1922 году у молодой семьи Коковиных - Олимпиады и Ивана - родился долгожданный первенец, сына назвали Александром. На семейном совете было решено новорожденного записать на известную фамилию деда – урядника Ширяева. Но в то время никто не предполагал, что жизнь сыграет злую шутку. И когда в 1942 году Александр погиб на Великой Отечественной войне и его похоронили под Ленинградом, в похоронке ни слова не было сказано о его родителях, ведь родители Коковины, а сын Ширяев.

В 1924 году родился Павлик. Ему исполнилось 4 года, когда, играя на улице с ребятишками, он повредил колено, постепенно вместо ранки образовалась бородавка. И однажды, это было зимой, выпросил Павлик валенки, а они были одни на всех и большого размера, убежал на улицу. Когда после игры, придя домой, стал снимать валенки, сковырнул эти злополучную бородавку и оттуда потекла сукровица. Нога ниже колена стала сохнуть, и в итоге Павел стал инвалидом, потому что ногу отрезали выше колена. Некому было лечить, не помогли ни больница, ни знахарки. Так и прожил всю оставшуюся жизнь Паша в обнимку с костылями. Но работал, были хозяйство, жена и дочь.

В конце 1929 года родилась долгожданная дочка - Зоинька.

В те далекие времена жили большими семьями, все под одной

крышей. Мой отец семь лет казачил, чтобы заработать на дом, обеспечить семью. В доме размещались все: два старших брата – Иван и Николай, они успели обзавестись семьями, две сестры, две снохи да десяток детей. Очень большая была семья. Взрослые в поле, дома оставались бабки да малыши. Когда заканчивались посевные работы, дед с сыновьями строил пристрой к дому, куда хотели отделить моих родителей, папу с мамой.

Наступали стремительно 30–е годы. В 1929 году в стране началась комплексная ликвидация кулачества как класса. Когда советская власть пошла в наступление на казачество, начали раскулачивать и невинных людей. Понаехали в деревню Верхние Караси красные и давай все рушить. После прихода к власти большевиков казачьи села заняли нейтральную позицию, так как «Декрет о земле» запрещал конфискацию земли у казаков.

Предводители Красного движения – суть красный туман - ничего не боялись. Возглавляли его люди, чуждые российскому народу, цель каждого содержалась в ином - достичь исполнения своих амбиций. Свои амбиции они ставили гораздо выше интересов страны, интересов трудового народа. Им фактически любой ценой нужна была власть над страной. Даже если бы им понадобилось для этого уничтожить весь народ, они все равно бы не остановились. В результате революционеры залили кровью простого народа всю Россию. Они ловко направили брата на брата, сына на отца, рабочего на крестьянина, казака на крестьянина. Им было не жалко народа – труженика. Они, вожди, лично никого не стреляли, но поставили дело так, и настолько преуспели в этом, что все гнусное совершили руками самого же непосвященного народа, оставаясь всегда над схваткой, которую организовали, и ход которой отслеживали, направляя ее в нужное направление. Под завесой «красного тумана» были уничтожены лучшие люди России, ее генофонд.

Кто-то пытался бороться с красным террором. Так, борьбу с советской властью в Верхних и Нижних Карасях возглавил местный священник Глинский. Но многие надеялись, что их минует злая доля, если не будут вмешиваться во что либо. Тем более что казаков согласно «Декрету о земле» обещали не трогать. Но задолго до того, как начали раскулачивать казаков, стали ходить слухи, что банды по раскулачиванию будут лишать их всего, кроме одежды, которая была одета на них.

Многие люди с головой уходили в религию, надеясь, что Бог спа-

сет их и оградит их семьи от бесчинства, которое творилось в то время в нашей стране.

Моя семья до последнего не верила, что жизнь может сыграть с ними такую жестокую шутку. Все сомнения развеяла повестка с предупреждением: «Из дома не отлучаться». Оставалось с напряжением ждать, когда же посторонние люди ворвутся в наше жилье и начнут командовать, как у себя дома.

В сентябре 1929 года арестовали моего деда Коковина Дмитрия Осиповича как политического преступника, врага советской власти, обвинив его по статьям 58 – 8 и 58 - 10. Кто–то написал донос под подписью «Гвоздь», с деда требовали, чтобы он отдал золото, но мама говорила, что у деда кроме «скотского золота», то есть коровьего, настоящего никогда не было, но данным людям надо было во что бы то ни стало прийти к власти, и они не разбирались, кто прав, кто виноват. Всех загребали под одну гребенку. Так, только за один день ОГПУ арестовало и расстреляло 22 человека.

Когда Коковин Дмитрий Осипович еще находился под следствием в Златоустовском изоляторе, его жене Коковиной Татьяне Дмитриевне была разрешена встреча с мужем. Приехавшей в Златоустовский изолятор супруге сообщили с насмешкой:

- Долго ты, бабка, тянула с приездом. Нетути больше твово мужика. Пустили мы его в расход со всеми дружками, как политических преступников.

Спустя много лет в газете «Южноуралец», которая выходит в городе Чебаркуле Челябинской области, в № 154 от 24 ноября 1992 года был напечатан список граждан, репрессированных в Чебаркульском районе и реабилитированных в соответствии с законом РФ от 18 февраля 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». Под номером 17 значился Коковин Дмитрий Осипович, 1883 года рождения, уроженец поселка Верхние Караси, арестованный 17 сентября 1929 года, а 17 ноября 1929 года тройкой ОГПУ подвергнутый расстрелу.

После ареста деда в январе 1930 года мы были лишены всего, что таким трудом создавал наш отец и вся семья: дома, лошадей, скота, всего, что было нажито.

В одну из ночей подъехали к дому красные, громко постучали в дверь, открыла бабушка Татьяна Дмитриевна, заругалась: «Что стучите, дети спят».

Проснулись все, ведь жили под одной крышей три семьи. Зашли

чужие люди в дом и как обухом по голове: собирайтесь и детей собирайте, вас отправляют в ссылку в Сибирь. У мамы Олимпиады Егоровны в ту пору было трое детей: Саше 8 лет, Павлу 6 и совсем маленькая Зоя. Все три семьи насчитывали 13 человек. Отец, Коковин Иван Дмитриевич, в то время работал на лесозаготовках, его не было дома. Маме не разрешили взять с собой практически ничего. Лишь побросала в сундук пилу двуручную, немного детской одежды, в которую успела завернуть золотое кольцо, которое отец Егор Поликарпович подарил на свадьбу. Конвоиры торопили, подгоняли плетьми и, угрожая расстрелом, выгоняли людей на улицу, а это было зимой, в самые лютые январские морозы. Всю нашу семью и еще 13 кулацких семей из Верхних Карасей посадили в сани - розвальни и повезли под конвоем, как настоящих уголовников, на станцию Полетаево. Во дворах стоял стон и плач, как будто выносили покойника. И родственники, и односельчане на самом деле думали, что это последний путь. Да, это было такое страшное, удручающее зрелище, что от слез очень трудно было удержаться. «Мы очень боялись за маму, - вспоминает свидетель этой драмы моя тетушка Нюра, - боялись, что она от переживаний наложит на себя руки или не хватил бы ее удар».

Дети, как могли, сдерживали рыдания и стоны и только шептали проклятия своим мучителям. В санях, набитых людьми, ни сесть ни встать, многие шли пешком. Менялись конвоиры, меняли лошадей, а люди в санях ехали молча, отрешенно думая каждый о своем. Так добрались до станции. А там, не разбирая - дети, мужчины или женщины- погрузили всех как скот в товарные (телячьи) вагоны. Дикий мороз, а в вагонах набили людей, как селедку в бочки. Кто-то успел взять с собой перины или матрацы, и это спасло детей от неминуемой смерти. На одной из станций матери решили проверить, тепло ли маленьким детям под перинами, но через мгновение раздались вопли и проклятия: дети лежали бледные, полумертвые, а из ушей и носиков у многих хлынула кровь, потому что не хватало воздуха и они чуть не задохнулись.

Было очень страшно и мучительно смотреть на это. Измученные холодом и голодом - пищу давали один раз в день - часто ржавую селедку, добрались до Тобольска. В этом красивейшем городе мои предки были не первыми ссыльными, до них там побывали в ссылке декабристы. Но город осматривать было нельзя, потому что везде были конвоиры. Расселили по чужим домам, всех сильно мучил

голод. Мама Олимпиада Егоровна с маленькой Зоей на руках молила Бога, чтобы это тщедушное тельце прибрал Господь: Зоя сильно болела, так как грудь матери от стрессов, переживаний и голода была пуста. А мама от усталости была на грани смерти. И Господь услышал молитвы и прибрал Зою, она умерла.

В это время в деревню Верхние Караси вернулся с лесозаготовок домой мой отец Иван Дмитриевич, а семьи нет. Пошёл Иван Дмитриевич в Управу, а ему сказали, что всех отправили в ссылку. Можете, сказали, взять любой дом, а их, пустых, в ту пору было половина деревни, женитесь и живите, вас никто не тронет. Но Иван Дмитриевич собрал тёплые вещи и, не раздумывая, поехал добровольно в ссылку, в глухую Сибирь, за женой и детьми. Догнал он их в Тобольске и тоже стал таким же ссыльным, как и все остальные.

Встретив семью в городе Тобольске, он с трудом узнал изможденную супругу и детей. Да, только один Бог мог знать, как все это было чудовищно. Умирали от голода и холода, а многие ходили, превозмогая стыд, просить милостыню по домам. Многих, кто протестовал против такой жизни, забивали плетями до смерти.

В городе Тобольске ссыльных продержали до весны.

Наступила весна 30-го года, казалось, все начали свыкаться с такой жестокой реальностью. Но жизнь опять преподнесла испытания. Всех ссыльных собрали на берегу, загнали на баржу и повезли в неизвестность. Ветер, дождь, баржа, ничем не укрытая сверху, людей столько, что яблоку негде упасть. Ссыльных везли вниз по течению Иртыша, а потом по реке Оби. Когда баржа вышла в Обь, началась непогода, и баржу начало кидать из стороны в сторону. Кто–то из ссыльных пустил слух, что их хотят утопить. На барже началась паника. Дабы избежать бунта среди ссыльных, зачинщиков засекли плетьми и выбросили в воду. Чтобы другим было неповадно.

Многие плакали, считали, что это конец. На Оби около какой– то деревни их высадили на берег. У берега стояли большие лодки - «неводники», в каждой было по 6 – 8 греблей. Всех ссыльных посадили в эти лодки, дали гребли и заставили плыть вниз по течению Оби. Гребли были тяжелые и не каждый мог ими управлять. А тех, кто не мог справиться, отправляли на корм рыбам, предварительно забив плетьми.

Конвоиры выбрали более менее пологий берег и высадили ссыльных. Это где-то в трех километрах от Большого Атлыма, вверх по течению Оби, там жили и живут до сих пор ханты. Аборигены – мес-

тные жители - были в то время диковатым народом со своими обычаями. Они были одеты в малицы и кисы, часто курили табак и жили в чумах.

От берега реки вглубь леса стоит большая, высокая гора. На вершине этой горы виднелись деревья с большими ветвями, на которых были навязаны красные тряпочки в виде ленточек, это было шаманское место, где ханты проводили свои обряды. Стояли идолы, вырубленные из дерева, и небольшая избушка на столбиках, куда ханты приносили жертвоприношение.

Приехал на колданке - «маленькая лодочка»- хант. Весь обросший, черный, с заплетенными в красные ленты косами. По всей видимости, сам шаман. Поздоровался и попросил вежливо, чтобы на гору ссыльные и их дети не ходили, сказал, что там самострелы стоят. А также сказал:

- Не будете на гору ходить, будем в мире жить. Будем помогать вам, чем сможем.

А после уехал.

Хантыйский закон приезжие строго соблюдали, и ханты приветливо относились к переселенцам.

Ссыльные на сходе решили строить с правой стороны горы поселок, но когда начали копать землянки, там оказалось болото. Тогда было решено строить поселок с другой стороны, где рос лес. Кругом глухая тайга, вековые кедры, березы, осины. Внизу раскинулась Обь-матушка, широкая, величавая, красота неописуемая, и совершенно другая по сравнению с уральской. Но некогда было любоваться красотой Сибири. Надо было устраивать быт. Начали рубить лес, готовить площадки под жилье. Смотришь: кругом красота, а комаров, мошек уйма, полчища, напрочь заедали, особенно детей. Кругом курились дымокуры. Дым немного отгонял комаров и мошек, но болели глаза от дыма. Медицины не было. Средств защиты - никаких.

Начали копать землянки, обустраиваться, говорили, могилы себе копаем, для многих это была правда. Дни становились все теплее, построили шалаши и уже как будто свой угол. На душе становилось чуть–чуть веселей. Место оказалось удачным. Большой пологий склон, смотрящий в сторону юга. Чуть западнее - большой лог, по которому бежал искристый ручей с холодной водой. Ручей впадал в пойму реки, и в период, когда прибывала вода, там водилось много рыбы. Обустраивали землянки, обкладывая стены круглым лесом.

Начали строить поселок и назвали его Подгорное. Дома стали

ставить двухквартирные, из трех комнат. Были свои архитекторы, которые спланировали поселок с широкими улицами, с местом для будущих огородов и стаек для скота. В будущем таких поселков по красоте и обустройству близко в округе не было. Дома строились чисто из дерева, ни гвоздей, ничего строительного не было. Бревна для постройки домов пилили вручную на козлах, закатывали на козлы бревно на высоту двух метров, устанавливали и пилили большой маховой пилой. Один мужчина стоял наверху, один внизу, и распиливали бревно на несколько брусьев, досок. Руководил этой распиловкой мой дядя Коля Коковин, родной брат моего отца.

Люди были голодные, работали все - от мала до велика, независимо от возраста. Кормили похлебкой и немного давали черного хлеба. Корчевали пни под поселок и пашни вручную. Большие пни качали вагами, то есть длинными бревнами. Это было невыносимо трудно. Нас держали как кандальников, а ведь это был уже 20-й век. Как рабов избивали плетьми. Надзиратели просто издевались над народом. Ведь переселенцы считались врагами. Обойдет надзиратель вокруг, вернется, где бил старика, а он уже мертв. Старики, выкорчевывая лес, причитали, что умираем, убирая лес, но пройдет время и на этом месте снова вырастет лес. И в этом они оказались правы.

Отмечаться в комендатуры ходили три раза в день, власть боялась, что кто–то может убежать. Но ссыльным некуда было бежать, ведь кругом тайга, болото и река.

Но человек все выдержит, русский дух крепок и непоколебим. Выжили, выстояли в этот тяжелый период и мои родители. Моего отца Ивана Дмитриевича отправили работать в рыбозавод, в тот период одновременно со строительством поселка в районе начали развиваться рыбная промышленность и сельское хозяйство. Для того, чтобы ловить рыбу, нужны сети, и их вязали из хлопчатобумажных ниток пожилые люди, которые не могли работать на других, более трудных работах.

Поселок строился, понемногу людей из землянок стали переселять в обустроенные дома. Построили клуб на 300 посадочных мест.

Но отношение власти к народу не изменилось. Находясь на добыче рыбы, рыбак не мог взять домой ни одной рыбки. Муж сродной сестры Валентины Эдвин Александрович Гердт, они жили в Сотниково, решил потихоньку принести домой для детей 8 чебаков. Но кто–то донес на него и его посадили на 8 лет в тюрьму. И отсидел он их, как говорится, от звонка до звонка.

Корчевали вручную поля, начали сеять пшеницу, рожь, репу, горох, турнепс, картошку, капусту. Землю обрабатывали вручную, но с поля не имели права взять хоть один колосок или что-нибудь еще. Провинившихся надзиратели избивали плетьми или сажали в тюрьму сроком до восьми лет. Урожай всегда был большим. Но на приусадебных участках, которые были у каждого дома, не разрешали садить ничего.

Каждый год наш поселок затапливали талые воды, и вода подмывала гору, на которую ссыльным ханты не разрешали ходить. Там еще был огромный кедр, рядом с которым ханты проводили свои обряды. Позже ханты разрешили ходить на эту гору всем. Туда стали ходить не только дети, но и взрослые. Стали проводить раскопки. Находили много монет, они были царского периода, в одном месте нашли даже захоронение целой семьи. Как потом нам объяснили, что когда умирал глава семьи, то вместе с ним хоронили и его жену, а также его имущество, чаще всего оленей. Когда гору стало подмывать сильней, то захоронения падали прямо на берег реки. Зрелище было не очень приятное…

Но стоило пройти чуть-чуть - и с правой стороны горы росли редкие кедры и высокие ели, а на земле - папоротник. Когда туда приходили, то казалось, что попадали в прерии.

Те, кто бывал на севере, знают, что много красивых мест по берегам и притокам реки-матушки. А рыбой, которая водится в реке Оби, Обь славится не только по России.

В те тяжелые дни 30-х годов, когда народ умирал с голоду, нашу семью спасло то маленькое золотое колечко, которое было подарено родителям отцом мамы Кашигиным Егором Поликарповичем на свадьбу, чудом уцелевшее. Пройдя через все лишения и невзгоды, мама его сумела сохранить. Когда стало совсем невмоготу от трудностей, а голод казался непреодолимым, мама сумела договориться в Поснокорте и выменяла кольцо на корову.

Вот тогда и вздохнула чуть–чуть семья, сразу стало жить легче, эта корова спасла моих родных от неминуемого голода.

Трудно было выживать, очень трудно, но самое важное в том, что даже лишенные самого элементарного, полуголодные, в холоде, эти люди сумели остаться людьми и выжить. А выжили, как мне кажется, благодаря своей сплоченности, а главное - умению работать.

ДЕТСТВО

Поселок строился, переселенцы трудились не только для того, чтобы самим выжить, но и чтобы выжили их дети. Ссыльные, сосланные в Сибирь, доказали всем, особенно советской власти, что жить можно везде хорошо, главное - не опускать рук и не лениться. Мои предки, которые жили на Урале, в одночасье лишились всего, что было заработано своим трудом, но и в тяжелейших условиях выжили и стали жить даже еще лучше.

Еще до моего рождения был создан в Подгорном колхоз имени Кирова, где работали мои родители. По закону того времени никто из переселенцев не мог выйти из колхоза, ни сами переселенцы, ни их дети. Создание колхоза поставило всех в одни рамки. Никаких заявлений в колхоз о приеме писать не требовалось, родился, ты уже колхозник, так продолжалось до 1953 года. Дети так же, как и взрослые, работали по 12-14 часов в сутки. И никто не мог, пока не выполнит норму, уйти с работы.

Все колхозники работали за трудодни, которые обсчитывали в конце года. А в конце года трудодень был обычно пустым. Дадут колхознику немного муки местного помола, в колхозе была своя мельница, а дальше как хочешь, так и живи.

Колхоз к концу 30-х годов стал заниматься скотоводством, разводили племенных лошадей, табуны круглый год паслись на природе, весной, когда был твердый снег, лошадей загоняли в кустарники и подкармливали.

Поля колхоза протянулись до самого Большого Атлыма, а ханты, которые жили в этом поселении, жили в основном без сельского хозяйства, огородов не имели. Питались рыбой, содержали оленей. Постепенно, глядя на переселенцев, ханты начали осваивать земли, садить картофель и другие овощи, они быстро начали русеть и, конечно, говорить по-русски. С переселенцами жили дружно, но на шаманскую гору ходить запрещали.

Речка Батлымка была очень рыбная, добывали в ней сотню тонн чебака, окуня. В Великую Отечественную войну сотни тонн рыбы были отправлены на фронт. Сталин своим указом назвал речку золотым дном и в благодарность Большеатлымскому колхозу подарил автомобиль ГАЗ – 52, это был первый автомобиль в нашем районе.

Позже, в сороковые годы, колхоз купил катер, закупил еще породистых лошадей. Колхоз стал организовывать праздники, Октябрьскую и Первое мая праздновали всем колхозом. Маму за две недели до празднования освобождали от работы в поле, она готовила еду к предстоящему празднику. На столах еды было вдоволь, закусок полные столы, даже бочонки с брагой на столах были, которые тоже заранее готовили.

Проводили первые два-три дня в клубе, всем колхозом праздновали, а потом расходились компаниями по домам по 40 – 50 человек и гуляли еще два – три дня. Ну а какое гуляние без песен? Вот женщины и пели: порой сядут, зажгут свечи да как затянут голосисто песню, да по-нашему, по- русскому. Много песен пели, да только одну я запомнил хорошо, эту песню запевал мой дядя Коля Коковин, брат моего отца:

Сижу за решеткой в темнице сырой,

Вскормленный в неволе орел молодой…

Только вот ни улететь, как в песне, ни уехать из поселка было нельзя. Даже в поселки Большой Атлым, Малый Атлым, Поснокорт ходить не разрешалось.

А что касается гуляний, которые проходили со всем русским размахом, и длились подолгу, то, несмотря на это, скотина колхозная да и своя была всегда ухоженная.

Я родился 20 августа 1932 года в поселке Подгорное, где проживали в ту пору мои ссыльные родители.

Мое детство, как и детство большинства детей, рожденных в те годы, было трудное и голодное.

Но по прошествии многих лет я восхищаюсь мужеством и стойкостью своей матери Олимпиады Егоровны. Несмотря на весь ужас, творящийся в те далекие годы, я помню нежные руки своей мамы, ее ласковый голос. Я не понимаю, откуда у такой, казалось бы, хрупкой женщины, брались силы преодолеть все невзгоды.

Она работала наравне со всеми ссыльными, несмотря на то, что была матерью четверых маленьких детей. Детей, которых необходимо накормить, обстирать, приголубить.

Маме разрешали прийти домой на обед с поля, которое находилось в трех километрах от поселка. Обеденный перерыв длился один час. Надо было накормить грудью меня, покормить обедом более старших детей и вернуться обратно.

Мама приходила с работы в 7-8 часов вечера, сготовит ужин, на-

030533-1 485

кормит нас, а потом идет подрабатывать, стирать господское белье. А поздним вечером, бывало, шила ватные одеяла, а мы сидим вокруг. Вдруг мама уставшим голосом говорит тихо: «Дети, я сейчас вздремну минут 15 и снова буду жить!!!».

А перед тем, как уложить нас спать, каждого приласкает, доброе слово скажет. А потом всю ночь работает, шьет или идет в Поснокорт пешком продавать одеяло, чтоб принести нам какой–нибудь еды. Днем комендатура не разрешала выходить из поселка.

Однажды мама возвращалась из Поснокорта ночью, в это время поднялся буран, и мама потеряла дорогу. Села у куста и мысленно начала прощаться с детьми. Холодно. Ночь. Ничего вокруг не видно. А вокруг тайга да сугробы. Руки, ноги начали коченеть, замерзать. Услышала мама хруст снега, думала какой зверь крадется, по деревне ходили слухи, что стая волков недалеко от деревни напала на человека, да и рыси в лесу ходят в поиске пищи. Начала мама молиться. Бог услышал ее молитвы. И, как в сказке, сквозь пелену снега мама увидела человека, мужчину, который в эту ночь шел в Поснокорт к родным. Увидел он маму, поднял, растряс и проводил до Подгорного. Завел маму в дом, а сам вышел. Мама говорила, что это было привидение, и ни как его звать, ни его лица не запомнила.

Также ссыльные построили школу в Подгорном, в которой учился и я. По тем временам это было большое красивое здание, обнесенное вокруг забором, а перед зданием школы с южной стороны были рядами посажены березы, которые стоят и сейчас, напоминая о былых временах. Больше от поселка ничего не осталось. Так начала действовать семилетняя школа. Подгорнинская школа славилась на всю область, был в школе духовой оркестр, работали разные кружки, в летний период был свой пионерский лагерь. Возглавлял школу высокий красивый мужчина . Звали его Василий Иванович, фамилию, к сожалению, не помню.

Вроде бы жизнь начала налаживаться, я уже учился в 5-м классе, когда мама сказала: «Ну, теперь, дай Бог, мы заживем, как раньше, в достатке и спокойно».

Но однажды, возвращаясь из школы, я увидел каких–то людей, видать, из района, пожили они два дня и уехали. Родители тогда подумали, что, видимо, они из органов НКВД. Дня через три после их отъезда исчез наш директор школы. Кто-то видел, что он взял веревку и ушел в лес. Искали его целую неделю всем селом, включая нас, детей. Уже решили прекратить поиски, но старшеклассники ре-

шили еще раз сходить в десятую делянку, где готовили дрова, это километров семь от деревни. За вывороченным деревом нашли его, повешенного на сучке старого дерева. Приехали снова из отдела, вывезли его из леса в пожарку и поставили охрану, чтобы никто к нему не подходил. Сколотили ящик из неотесанных досок, даже не гроб, и увезли на кладбище, закопали в стороне, сравняли с землей его могилу и запретили туда ходить. Потом прошел слух по деревне ,что его разыскивали за то, что он был полицаем в годы войны. А как было дело в действительности, кто знает?

Время не стояло на месте, и мы росли. Мы, дети, не сидели на месте, а работали наравне со взрослыми. Почти с шести лет нас, детей ссыльных колхозников, летом садили на лошадей, запряженных плугом, бороной, окучником. Поднимали нас каждое утро в семь часов и работали мы до позднего вечера. В один из дней мы с тетей Настей Пименовой окучивали в поле картошку, я на лошади, она за окучником плуга, ездим из конца в конец поля, окучиваем картофель. На поле, на расстоянии друг от друга, стояли два лиственных пня. Не один ссыльный умер около этих пней, во время тяжелой работы многие не выдерживали. Эти пни до сих пор стоят там как вечная память об ушедших… Так вот, еду я по полю и снова, и снова выскакивает зайчонок и убегает от одного к другому пню. Тетя Настя говорит, мол, чего не поймал, мы бы их на ужин сварили. Едем снова, снова бежит зайчонок, я соскочил с лошади, поймал, и так наловил семь штук, сложил их в корзину. Тетя Настя отправила лошадь пастись, подходит ко мне и говорит: «Вася, нельзя зайцев в деревню нести, деревня сгорит». Я открыл корзину, зайчата выпрыгнули и в разные стороны побежали. А тетя Настя и говорит: « Я ведь пошутила, лови их». Я побежал, поймал одного, а он как заорет, я его бросил и со слезами к тете Насте. Пока шли до дому, она все меня успокаивала.

У тети Насти был сын, мой одногодок, мы вместе играли, вместе в школу ходили. Но жили они очень бедно, особенно было плохое питание, и дом был холодный, может, печка неправильно сложена, да и дрова были сырыми, осиной много не натопишь. И мой друг, сын тети Насти заболел, признали туберкулез. К великому сожалению, в те годы эта болезнь была неизлечима. Нужно было хорошее питание, а где все это возьмет мать- одиночка? И в двенадцать лет друг умер. Это была не первая и не последняя потеря. Мужа у тети Насти перед войной забрали особисты и увезли навсегда. Расстре-

ляли, а за что - никто и никогда так и не узнал. Скорее всего, что-то представителям советской власти неправильное сказал.

Таких женщин, как тетя Настя, было много, которые один на один оставались со своим горем, и чтобы его преодолеть, нужно было иметь много мужества, энергии и сил для того, чтобы в таких не человеческих условиях оставаться ЧЕЛОВЕКОМ! Несмотря на пережитое горе, которое преподнесла ей судьба, она всегда была весела и энергична, могла даже порой спеть веселую частушку, от которой потом все весь вечер будут смеяться, а сама губами улыбается, да глаза полны печали.

К сожалению, тетя Настя не одна среди женщин была с такой тяжелой и нелегкой судьбой. Ведь в те времена, наверное, только русская женщина могла пережить все то, что творилось в нашей стране, и не упасть духом. Один только Бог видел, чего это им стоило, чтобы под гнетом власти не сломаться.

Именно вера в Бога давала людям надежду и утешение, силу, которая помогала пережить все невзгоды, которым подвергался народ в тот период. Несмотря на то, что церковь была запрещена и церкви рушили, верующие объединялись и собирались потихоньку от властей, то в одном, то в другом доме, и молились. А иногда пели тихо, но так красиво, что на сердце светло становилось. После все собирались за стол, каждый приносил что–нибудь из дома и угощал. Порой даже бражка на столе была.

Моя мама Олимпиада Егоровна была верующим человеком. Наверное именно вера в Бога помогала ей в трудные минуты не упасть духом, а продолжать жить с верой на лучшую жизнь.

Я хорошо запомнил один случай из моего детства, я в то время еще учился, по-моему, в третьем классе. Когда я собирался в школу, мама меня попросила: «Вася, по пути зайди к бабусе Агафье, пригласи ее, чтобы она приходила сегодня вечером, помолимся».

Я вышел из дому, время до школы еще оставалось, тем более, что бабушка Агафья жила по пути в школу, зашел к ней домой и пригласил к нам.

Видать, кто–то видел, как я заходил к верующей Агафье, по школе сразу поползли слухи, что я собираю на молебен. Несколько дней учительница заставляла меня стоять на виду у всего класса по несколько часов, каждый раз напоминая мне и всему классу, какой я нехороший совершил поступок и какой я подаю пример младшим.

Несмотря на то, что отец мой не был верующим человеком, он не запрещал своей жене верить в Бога.

Вот так и приблизился 40-й год, контроль за ссыльными оставался таким же строгим, единственное - теперь не били плетьми да и жить стало, что и говорить, легче. Тем, кто рыбачил, платили продуктами и другими товарами! Рыбакам стало жить легче, они стали зажиточно жить, имели амбары с мукой и много других товаров, а колхозники, коим являлся и мой отец, всего этого не имели, но жить все равно было уже не так плохо.

ВОЙНА

Наступил июнь 1941 года. Радио ни у кого не было, на конторе появилось лишь объявление, в котором было указано, что Германия вероломно напала на Советский Союз. В деревне началась паника. Женщины ревели и причитали о том, что будет с ними, с их мужьями и детьми. Дети бегали, изображая солдат, играя в войнушку, не представляя даже маленькой доли того, что может ожидать их впереди. События развивались быстро: в течение месяца всех сильных, здоровых мужчин забрали на войну. Колхоз начал пустеть.

На войну ушел и мой старший брат Ширяев Александр Иванович. На маму больно было смотреть, когда провожали мы Александра на войну. Как говорила мама: «Александру семью бы заводить да деток нянчить, а он на войне за родину-мать сражается». Александр был белокурый, высокий, статный молодой человек. Девчонок вокруг него было всегда много.

Ну а мы продолжали жить в деревне, ждали писем от Александра, получали урывками новости с фронта и, как большинство семей того времени, пытались просто выжить....

Тяжелый был и голодный 1941 год, в ту пору вода на Оби была большая, затопило все: ни рыбу поймать, ни сена накосить. Питались чем придется, на другом берегу реки стоял монастырский остров, на острове колхоз садил картошку, овес, пшеницу и другие культуры. Картошка уже взошла, а ее начало затапливать водой. Агроном Кадочников разрешил нам выкапывать картошку из воды, она была уже слизистая, но очень вкусная. В какой-то период вообще есть было нечего. Тогда я брал удочку и шел на другую сторону ручья, там были ложки и их затапливало водой. Можно было наловить рыбки на уху. Я как сейчас помню: подошел к одному ложку и закинул удочку. Смотрю - клюнуло. Я стал ловить окуней, они были крупные, я наловил столько, что еле унес домой. Тогда я вдоволь накормил семью. Узнали сельчане про мой улов и все туда кинулись ловить окуней, но там их уже не было.

В тот жестокий год мы даже не смогли накосить сено и скот пришлось кормить вениками, также строгали тальник, но этого было недостаточно, и скот начал падать. Тогда его подвешивали на ремнях, а он все равно пропадал обессиленный. Мама приносила куски мяса домой, чтобы сварить и накормить своих детей, в нем ни жи-

ринки не было. На вкус как пойло, но нам казалось очень вкусным. Страшный был голод. Страшно было и за судьбы близких и родных тебе людей.

Ждали лета, летом было проще, хоть трава была, картошку, которую выращивали, надо было сдавать в колхоз, и нам практически ничего не оставалось.

Корову мы, слава Богу, сумели сохранить, летом нам мама давала задание настрогать по двадцать палочек тальника, чтобы зимой было чем корову кормить. Мама заваривала тальник кипятком и этим кормила корову.

Даже здесь колхоз облагал население данью: надо было сдавать молоко и масло, а сам - как хочешь, так и живи. Маме давали 300 граммов хлеба за сданное молоко. Если это можно было назвать хлебом, сожмешь его в кулак и просочится сквозь пальцы, а нас четверо, мама делит эти 300 граммов да ревет.

А в 1942 году на войну забрали и моего отца, и его брата Николая. В колхозе остались только старики, женщины да малые дети. Мама опять осталась с нами одна. Нас в ту пору было уже трое: я, мой брат Павел - был уже инвалидом, и совсем маленькая Лиза. Мама изо всех сил держалась, не показывая страха, скорби и боли.

От голода младшая сестра Лиза начала сходить с ума, а мама слегла с печенью. Остались мы вдвоем с братом: он инвалид, а я малолетка. Вот тут мне пришлось брать ответственность за всю мою семью. Я вынужден был бросить учебу, ходил в шестой класс, и просил начальство устроить меня в интернат рабочим. Меня устроили, я возил дрова из леса на быках. Хотя я и хотел казаться опорой семьи, сильным и смелым, но помню случай, когда приехал сосед на лошади с фермы и попросил меня увести лошадь на конный двор, поменять подковы лошадке. Я привязал лошадь за сани–розвальни, в которые был запряжен мой бык, и поехал. Лошадь дорогой как заржет, а бык как побежит, я думал, они меня убьют, быка я удержать не смог и он влетел на всей скорости прямо во двор, чуть не сбив с ног конюха. Конюхом в то время был дядя Миша Маслов. Он заругался, куда я гоню, ну, а когда разобрался в чем дело, успокоился дядя Миша.

Позже он тоже был призван на войну. Там он и встретился с моим отцом. Кажется, дело было под Ленинградом, когда дядя Миша рассказал моему отцу, что рядом с их частью находится санчасть, где сейчас Александр, его сын. Отец отпросился и поехал в санчасть,

где должен был быть его сын Александр, но там его ждала печальная весть о том, что его сын погиб, защищая Родину.

Не судьба была Александру вернуться с войны, погиб он под Ленинградом, похоронили его под деревней Мишино. Как рассказывал его друг, которому удалось выжить: «Мы саперами были и прокладывали через речку мост, в этот момент начал противник бомбежку с самолетов. Много полегло в тот день молодых ребят, погиб и Александр. Я в этот момент был на берегу и мне удалось спастись, хотя эта бомбежка и для меня не прошла бесследно, у меня отняли ногу».

Война забирала сильных и не очень, молодых и старых, красивых и не очень, ей было все равно, чью жизнь забирать в этой мясорубке, ломала судьбы и разбивала навечно семьи, оставляя пустоту в сердцах…

Мы только оправились после известий о смерти Александра, когда пришла похоронка на дядю Мишу Маслова. В течение полутора лет не было ничего известно о том, где и как он погиб. Мой отец нам писал письма очень редко, но мы знали, что он живой, и это давало нам силы дальше жить. Порой мама говорила: «Плохие известия быстро долетают, пока с фронта известий нет, значит, он жив»...

1943 год. Немцы погнали назад, и часть, где служил дядя Миша, попала в окружение, немцы гнали пленных в качестве живого щита. Дядю Мишу, как оказалось позже, не убили, его в какой-то деревне спрятала молодая женщина. Так он остался живой. В родной деревне же его мысленно уже похоронили, оплакивала вся деревня, его жена тетя Лиза смирилась со смертью мужа. Дети тоже начали приходить в себя после известия о гибели отца (детей у дядя Миши было двое), когда получили от него письмо о том, что он жив и скоро вернется домой. Позже он действительно вернется в свою родную деревню, весь израненный и чуть живой.

Мой отец и дядя Миша дружили до конца жизни. В День Победы они обязательно встречались у дяди Миши или у нас, вспоминали о былых не- легких временах.

Отец мой до конца войны был пулеметчиком первого номера на передовой. Отца ценили, он как никто другой, чувствовал врага и хорошо обучал молодёжь. Порой начинают бомбить немцы, а отец говорит парням : «Голову не поднимайте, когда пойдет враг в наступление, вот тогда и мы ему покажем кузькину бабушку».

Тех, кто не слушался, снайперы убивали сразу. Сибирские дивизии шли стеной на врага. И враг бежал.

Вот так моя семья пережила тяжелые годы войны. Еще долгое время мама не могла прийти в себя после смерти Александра. Но жизнь, как говорят, не стоит на месте, она продолжается....

Наступила весна 1947 года, я продолжал работать в интернате. Настало время заготавливать дрова. Рабочим интерната была тогда женщина - Материкина Варя - и мы с ней ходили на заготовку дров за 7 километров в 10-ю деляну. Пилим дрова двуручной пилой, она пилит, пилит, сядет да как заревет, а я только за ручку держусь, какая у меня могла быть сила? Вот он, русский дух! Тетя Варя ни разу не сказала, как ей было тяжело со мной, подкармливала меня чем могла и как могла.

В интернате нас тоже подкармливали, где объедки дадут, кожурки картофельные, где рыбой угостят, так дотянули до весны.

Как-то весной забирает меня колхоз: раз родители колхозники, то и я колхозник значит! Назначают меня мотористом на катер. Катер назывался «Заря». Мотор у этого катера был такой высокий, намного выше меня, одноцилиндровый и громадный маховик. В головку мотора вкручивалась зажженная папироса, крутить маховик надо вдвоем, вот я с дядей Мишей Масловым и крутил. Таких матов услышу, пока заведется мотор, а мотор старенький, как назло - не заводился.

Питание было простое: по 300 граммов жмыха хлеба. Дядя Миша говорит: «Съедим сразу или разделим?». Делить всегда было нечего. Помню, иду с катера домой, а меня качает - куда ветер, туда и я. Я совсем оголодал, ноги едва носили.

В 47-м году вода опять вышла из берегов. Чтобы сохранить скот, перевезли его в Полноват. И отца опять отправили в Полноват Березовского района.

Я сказал маме, что работать в колхозе больше не буду. Помню, мама в слезы, причитала долго, говорила, что замотают нас на вызовы. Несмотря на детский возраст, я был тверд в своем решении, и говорил ей, что не следует ходить по повесткам, а председатель колхоза пусть разговаривает со мной, и пока я несовершеннолетний, меня никуда не заберут, а ссылать дальше просто некуда!

Неподалеку от нас жили Мартышины, детей было у них пятеро, и все сыновья. Отец был охотником, мальчишки все промышляли, кто чем, кто рыбу ловил, кто дикорос собирал, и жили они не голодно. Приходит как-то ко мне Мартышин Кузьма и говорит: «Чебак в Батлымку пошел, ханты уже поехали ловить. Они не запрещают рыбу в

речке ловить, но только у запора (это место, где перегорожена речка) нельзя ловить рыбу. У меня есть 2 сетки- чебачки, сядем на бударку, на гребях доберемся (моторов в то время не было ни у кого)». Мы поехали в речку Б. Атлымку, поставили сети и сразу в сетях заплескались чебаки, так за ночь напутали 12 ведер чебака. Вот тут мы и ожили. И жарили, и солили, и вялили, и даже сушили в печи и толкли в муку. Мама работала на чистке мешков из-под муки. Вот она и приносила эти самые очистки, эта была смесь муки с песком. Нам разрешали собирать колоски после уборки урожая, и мы с Кузьмой понемногу собирали. Чтобы перемолоть в муку, сделали из двух чурок маленькую мельницу. Разбил чугунок, набил в чурки осколки от чугуна, и получилась мельница. Насобираем колоски, высушим и прокрутим через мою чудо-мельницу, получалась хоть грубая, но мука. Муку из-под моей мельницы и мамины очистки из под мешков мешали с рыбной мукой И должен я сказать, что получались очень вкусные лепешки. Дня через три мы снова с Кузьмой поехали в Б. Атлымку за чебаками, поставили сети, а чебака нет - поймали за ночь всего ведра два. Едем обратно, а на сору у деда Зайцева стоят сети. И видно, что сети - полные рыбы. На реке еще шел лед, и чебак зашел в сор. Вот мы и смекнули, куда наш чебак подевался. Поставили сети и два дня ловили. Мама не успевала перерабатывать, и родители Кузьмы тоже. Радостно было, что рыба ловится!

Председатель колхоза Бахарев А.П. не давал мне покоя, все ходил за мной и маму терроризировал. Мама говорит: «Иди, Вася, в колхоз, жить он нам не даст». А я как вспомню, как шел с катера и света белого не видел, жутко становится. Как-то жарю чебаков на улице, на буржуйке, это печка такая, металлическая, круглая. Подходит председатель и говорит: «Сколько можно уговаривать? Где твоя пионерская сознательность?». А я отвечаю: «Бесполезно, я все равно в колхоз не пойду, давайте я вас лучше угощу жареным чебаком».

Так мы с ним на этом и разошлись.

Закончился покос, вскоре приехал и отец. Косили тогда за Посноркортом, где стояла Лукьяновская избушка.

Прямо около нашего дома стоял двухквартирный дом, там жил дед Лукьян, он был татарин, семья у него была большая, семеро детей. Хороший был дед, когда едет мимо нас, все кричит: «Пия, воды не надо?». У деда Лукьяна была своя кобыла, она сломала ногу, пришлось зарезать. Дед наварил мяса целый котел. Поставил

по всей комнате столы, скамейки и пригласил, наверное, всю деревню. На столах стояли тазики, наполненные мясом, а посредине этих тазиков стояли ведра с бражкой. Кроме мяса и браги на столах ничего не было.

Речка, где косили сено, обмелела, вода ушла, и там скопилось очень много щуки. С Кузьмой Мартышиным собрались ехать в избушку, дали нам 10 спичек и досочку - зажигалку. Верх речки уже обмелел и бударку мы перетаскивали вручную, ехали где гребями, где толкали. В общем добрались. На ногах у нас были сохни - это кожа на подошве и брезент на голени, изнутри пролитые дегтем. Деготь делали сами, выгоняли из дерева.

К вечеру мы добрались до избушки Лукьяновки. Шел сильный ливень, он решил нас промыть до костей. К вечеру добрались до избушки, промокшие и уставшие. Очень обрадовались, увидев много сена на полу и на нарах. Я лег на нары, а Кузьма присел на нары да так и уснул. Ночью проснулись от какого–то шума. Я хватил по телу руками, и в ужасе обнаружил, как из-под рук выбегают мыши и кроты. Их было так много, что казалось, пол ожил и движется в разные стороны. С криками мы соскочили и стали стряхивать всю живность с себя, тут было не до сна! Так с Кузьмой у стенки и простояли до самого утра. Утром вышли на улицу, дождь поливал и казалось, что не собирается останавливаться. Несмотря на плохую погоду, мы твердо решили: в избушку больше не вернемся! Пацанами были, боялись. Прошло пятьдесят пять лет, а вспомню - и мне кажется, что и сейчас эти твари по мне бегают.

Речка была в крутых берегах. С одной стороны реки - густые кусты. Мы выбрали место и сделали навес из веток и сена, под вид шалаша, чтобы дождем не мочило. Чтобы как-то согреться и высушить одежду, стали разводить костер. Наломали веток, выбирали посуше, но все равно все кругом было сыро. Мы пытались даже сушить сучки, прижимая к телу, но они не сохли, видимо, мы и сами были такие же сырые, как и все кругом. Зажигаем спичку за спичкой, а костер никак не разгорается. Осталась одна, последняя спичка и дощечка. Нашел страх, что не зажжем костер, сбегали в избушку, принесли сухой соломы и подпалили. Спасла нас последняя спичка, а ведь могло плохо кончиться для нас. Больше костер не тушили, постоянно следили за огнем, даже устраивали дежурство. Без огня на природе погибель, да еще в такую погоду.

Неводок у нас был маленький, метров 30. Им мы тянули неболь-

шие ложки, ручьи - как затянем, так килограммов пятьдесят - шестьдесят вытянем. Днем подойдешь к берегу речки, в ладошки похлопаешь - и вся вода на расстоянии десять - двенадцать метров закипает, бурлит: это щука отходит от берега, вот сколько там было рыбы. Я больше в своей жизни столько рыбы не видел. Наловим пятьдесят-шестьдесят килограммов, как раз полная бударка, и едем сдавать рыбу. Километров пять от нашей стоянки стоял плашкоут. Сдадим рыбу, приедем к стану, поставим сеть-провяз и варим уху, кроме рыбы и соли других продуктов не было. Щуку жарили на кедровых палочках, на чай собирали траву: Иван-чай, лист дикой смородины, зверобой, ромашку и другие травы. Сидим, слушаем плеск воды, гадаем, сколько щук попало в сеть. Насчитаем шестьдесят или семьдесят штук, едем выбирать. К вечеру начинает солнце садиться, всё, рыба уходит. У природы свои законы. Так мы сдали три тонны щуки. Когда начало темнеть, решили поехать домой, до Сотниково не ближний свет. Пока собирались домой, смотрим - уже стемнело. Решили у костра скоротать ночку, стали друг другу байки страшные рассказывать, смотрим - светать начало, решили поехать, невод кинуть, чтобы рыбы домой наловить. Кинули раз, кинули два, а рыбы нет. Мы приуныли: как домой возвращаться без рыбы? Смотрим, опять темнеть стало, оказывается, северное сияние было.

Пошли к костру, подложили дров, и еще выспались, пока рассвело. Встали, затянули две тоны, поймали щуки более ста килограммов, затушили костер и поехали домой, в Подгорное. Выехали на Обь из протоки, как раз дул низовой ветер запад. Вот везение, подняли парус и к вечеру были дома. Приехали, сдали документы по сдаче рыбы в колхоз и получили на целевое муки, сахар, ситец, нитки, мыло и дали еще нам с Кузьмой по кирзовым сапогам сорок второго размера. В один сапог мы могли влезть с головой. Так мы с Кузьмой стали «первые парни» на селе.

Время шло, наступила осень 47-го года. Первого октября приглашает меня председатель колхоза Бахарев Александр Петрович в контору. Захожу в кабинет, слева за столом сидит председатель, у окна - милиционер, а справа большой кованный сундук стоит. Председатель указывает мне на этот сундук, мол, садись. Я сел и слушаю, а председатель говорит: «Вася, надо ехать на лесозаготовки в Лорбу». «Да я еще несовершеннолетний, мама болеет и сестренка никак не оправится от болезни. Ни с того ни с сего падает и теряет сознание, как бы эта болезнь не осталась с ней на всю жизнь. Я

что, умирать их оставлю? Брат - инвалид уехал на большую землю лечить ногу, а отца угнали в Полноват со скотом. Колхоз нам никакой помощи не оказывает. Не могу ехать и не поеду!»

Милиционер встал, положил пистолет на стол и говорит: « С места не встанешь, поедешь».

Я отвечаю: «Хоть стреляй, все равно не имеешь право меня отправлять, я несовершеннолетний». И еще говорю председателю: «Запомни, в следующем году мне исполнится шестнадцать лет, я приду первого октября, сам, без вызова, возьму путевку и больше вы меня в колхозе не увидите». Хлопнул дверью и ушел. Пришел домой, маме рассказываю, а она возьми да потеряй сознание, прибежала медичка кое-как отводились. Я маме сказал: «Если тебя будут вызывать - не ходи. Колхоза для меня больше не существует».

В 1947 году привезли ссыльных с Рязани. Семей двадцать, а то и больше. Они отказывались работать. На берегу деревни Подгорное стояла общественная баня, рядом с баней была красивая поляна. На этой поляне ссыльные вечером при заходе солнца молились. Работать их заставляли и по- хорошему, и по-плохому. Всячески над ними издевались. Привяжут человека за веревку за хвост лошади и тащат по снегу. Остановятся, спросят, будешь работать, нет - и снова тащат до проруби, окунут в прорубь - будешь работать - нет. Тащат обратно, тем же способом. Привезут к бане: будешь работать? Нет. У бани был пристрой, там была вошебойка: это комната, где температура доходила до 95 градусов. Все, у кого обнаруживались вши, должны были сидеть в этой вошебойке, некоторые сами просились, чтобы избавиться от этой гадости. Вот туда и отправляли обледеневших и чуть живых рязанцев. Пока бедняга согревается, ему хорошо, а потом от жары перепонки лопаются. Так продолжалось полгода.

Однажды утром отправились в лагерь с ребятишками играть, а они все на улице ревом ревут. Спрашиваем, что случилось. Они говорят, что родителей ночью забрали и увезли, и ничего больше о них не слышно. Остались дети одни, всем до 14-ти лет, и ничего у них не было – ни покушать, ни одеть. Наши деревенские сами настрадались в свое время, не бросили в беде, разобрали детей по домам. Мы, местные ребятишки, как-то сразу распределили малых и, можно так сказать, взяли на поруки. Вместе играли и делили скудный паек, который имели. Ребята, кто постарше, стали учиться сапож-

ничать. У меня брат Павел, инвалид, умел сапожничать и учил ребят чинить и шить обувь. Так потихоньку ребята влились в общий ритм жизни поселка. Я ушел снова работать в интернат, пилил и возил дрова на быках. Время летело быстро, и незаметно наступило первое октября 1948 года. Отец вернулся со скотом, было на кого оставить маму с сестрой. Мне исполнилось шестнадцать лет. Как я и обещал председателю колхоза, так слово и выполнил. Первого октября пришел и попросил повестку в Лорбу на лесозаготовки.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

На участок Хугот, это 25 километров в тайгу от Лорбы, поселка Сосновое, добирались пешком по первому заморозку, вся дорога до Хугота шла болотом. Поселили нас в бараке на 300 человек. Деревянные нары в два яруса, два больших длинных стола на расстоянии 3 метра друг от друга и лампы керосиновые. Вот вся и обстановка. Обслуживали эти «хоромы» тетя Дуся с тетей Маней. В одной половине барака жили мужчины, в другой - женщины. Женщины работали в лесу, на валке леса и на обрубке сучьев. Отдельно стояли столовая, баня и конный двор. Моя работа заключалась в перевозке леса. Выдали лошадь, монголку, их пригнали 300 голов с Монголии, сани - дровни, посредине привязана колодка, я сам вырубил стяг - это палка, у которой один конец затесан. Стяг - это главная механизация того времени.

В Лорбе были тоже ссыльные с Челябинской области - братья Крутолаповы. Крутолапов Иван Арсеньевич возил лес, а Вячеслав Иванович Крутолапов был начальником участка Хугот. У Ивана Арсеньевича был большой серый конь, длинный кнут, которым он никогда не бил лошадь, а только щелкал, как цыган кнутом, и его серый конь мог вытащить любой воз.

Как-то поехали в лесосеку с Иваном Арсеньевичем, и он показал мне, как надо грузить лес на сани, как правильно увязывать воз. На сани грузить тяжелее, так как они высокие, а у Ивана Арсеньевича были каламашки, это два полоза, посредине скрепленные и окованные металлом, они намного ниже, поэтому на них легче грузить лес.

Остались мы с монголиком вдвоем, надо грузить и надо возить лес. Подъехал я к Балану- бревну, он в отрубе 40 см. Походил вокруг Балана, попробовал пошевелить стягом, а он не шевелится. Думал, думал, что делать: грузить надо, а для этого один конец бревна надо поднять минимум на полметра. Говорю сам себе: мозги, работайте. Выпряг моего монголика, он такой же маленький, как и я. Из веревки сделал под вид усов два конца, подложил подкладки, второй конец за бревно и за сани. Взял монголика за узду, потянул и - получилось. Так я стал возчиком леса. Чтобы получить льготы, нужно было выполнить сорок норм. До 40 норм хлеба давали 300 граммов и похлебку без мяса, а выполнишь 40 норм - хлеба дают 800 граммов и

отдельный стол, с мясом и рыбой. Мясом я не бедствовал, мне родители посылали, они уже держали корову и овец. Отдам в столовую мяса,

мне сварят. Сорок норм я выполнил быстро на моем монголе - луноходе, что в лесосеке, что из лесосеки - одна скорость. Выполнял сорок норм регулярно, не смотря на свой юный возраст. Спасибо коллективу того времени, они всегда поддерживали добрым словом и вниманием. Дядя Миша Маслов был конюхом, очень любил лошадей, ухаживал и подкармливал моего монголика, приговаривая: «Мал да удал, сильный, выносливый конь, береги его».

Выполнял работу дядя Миша добросовестно и требовал от других того же, если что не так, покроет в три колена и выше матом. После этого поневоле исполнять все его указания будешь.

В бараке режим соблюдали строго. С вечера натопят печь, чтобы всем высушить до утра одежду, дышать нечем, людской пот смешан с конским запахом, «лучших духов не придумаешь», а к утру хоть тулуп надевай, холод, пар изо рта. Туалет на улице. Кроме умывальника, воды нигде нет. Особенно тяжело было женщинам. Питались в столовой в основном медвежатиной. Мясо поставлял местный охотник, здоровенный мужик, жил на окраине в Сосновке. Каждую осень он приходил в Хугот и уходил в тайгу километров за пятнадцать. Убивал оленя, лося, медведя и разную пушнину. Ставил срубы и складывал туда мясо. Срубы были от земли на высоте трех-четырех метров. Он рассказывал: «Как-то раз пообедал, взял ружье и пошел осмотреть срубы, а собаки куда-то ушли. Смотрю, на срубе медведь, да так увлекся, что меня не замечает. Сел, закурил, решил, дождусь собак. Смотрю, медведь выбросил с лабаза целую ляжку мяса, не выдержал я, рассердился и выстрелил в медведя. И в этот момент начался у меня приступ эпилепсии, потерял сознание, когда очнулся, рядом лежит моя собака, огромный волкодав, и медведь недалеко от меня мертвый. Глотка у медведя перегрызена, видать, собака докончила раненого медведя».

Из тайги выходил охотник, когда была большая добыча. Брал лошадей и ехал за мясом. Здоровый был охотник, спирт пил безбожно, первый день угощал всех знакомых, а потом пил в одиночку. Собака всегда была рядом и никого не подпускала. Нальет стакан спирта, с которого попьет, с которого и не попьет, и выливает в ведро под умывальник. И так, пока два ящика спирта не перельет, сидит, а потом снова уходит в лес на месяц. Однажды вернулся из

тайги, дней через десять. Говорит, запрягайте лошадь за мясом, я медведя зарубил. А дело было так: ближе к вечеру убил глухаря, положил у сосны и тут же повесил ружье и пошел посмотреть срубы: «Отошел недалеко, смотрю, собаки мои медведя держат, и щенок молодой вертится, думаю, пусть учится, время ему пришло. Сам присел на валежину, снял рюкзак, кинул его неподалеку от молодого кедра и наблюдаю за малым. Медведь крутился, крутился, изловчился и зацепил молодого щенка лапой и разорвал его, собаки отскочили, а медведь в один миг и около меня, я только и успел за кедр заскочить. Медведь озверел, собаки не держат, а только мешают. Танцуем мы вокруг кедра, рюкзак с топором рядом лежит, а взять не могу, медведь наступает. Вот и танцуем час, другой, ну, думаю, пришел конец. Вижу, и медведь выдыхается, собаки его нет-нет да грызнут. Все - таки изловчился, выхватил топор из рюкзака и попал в голову медведя». Медвежью голову как доказательство принес всем на обозрение.

Пришла весна 1949 года. Закончились лесозаготовки, меня снова вызывают в колхоз. В это время начальником Хуготского лесоучастка назначили Степана Сафроновича Хазарова. Он тоже ссыльный, с Челябинской области с Тургояка, это недалеко от деревни Караси. Мои предки раньше были знакомы с его родителями. Я ему рассказал историю с колхозом, председателем и милиционером, ну что, говорит, оставайся, как- нибудь отговоримся от колхоза, а мне, я говорю, надо выполнить обещание, данное мною председателю, когда они насильно хотели отправить меня в Лорбу. Направили меня на молевой сплав по речке Хугот. Это были штабеля леса высотой до 20 метров, машин не было, поэтому лес сплавляли по речке, а в Сосновке уже вязали в плоты. Пока не было большого таяния снега, нас отправляли в поселок Сосновку, готовиться к приему молевого леса. В Сосновке было большое общежитие, комнаты были по 6 человек. Была большая столовая, в которой за пищу мы никогда не платили, все под запись, под зарплату. Сколько дадут заработную плату, столько дадут, а иногда и ничего не дадут. Сколько стоило кубометр леса заготовить, вывезти, сплотить - никто не знал.

Началась оттепель, потайка снега, должна подниматься вода в речке Хугот. Чуть проморгаешь - и лес останется на берегах. За это от начальства можно схлопотать. В то время было жестко: планы должны выполняться беспрекословно! Поэтому начальство участка и леспромхоза строго за этим следило и всячески старалось под-

держать бригады. Так я стал членом сплавного коллектива.

Бригаду из 8 человек направили в Хугот на молевой сплав. Хугот от Сосновки находился в 30 километрах. Дорога к Хуготу шла через болото. В то время спецодежды никакой не давали, обуви доброй не было. Обувь была старая, заношенная, и ноги у нас были мокрые, но мы были молодые и никто из нас не болел. Болото чистое - стоят карликовые деревца по пять-семь метров высотой. Смотрим впереди одно высокое дерево, а на вершине что-то черное. Подходим ближе: стоит одинокая лиственница, вдвоем не обхватишь. А на ней глухарь сидит. День был солнечный, и это зрелище очень красиво смотрелось. Ребята с ружьями потихоньку подходят, а мы остановились и смотрим. Один из ребят поднял ружье и выстрелил: глухарь сидит, выстрелили еще раз - снова сидит, мы подошли ближе, они выстрелили дуплетом - глухарь сидит. Один говорит: «Давай выстрелим дуплетом еще раз». А мы уже все подошли к дереву. Выстрелили дуплетом, глухарь упал, он был весь изрешечен дробью, видимо, первый выстрел привел глухаря в шоковое состояние.

Вернулись в барак, легли отдыхать, а спать невозможно: клопов полный барак. Промучились мы до утра. Что делать? Решили: постелем на пол, один будет дежурить и обливать кругом водой, и это действительно помогло, но клопы падали и с потолка. Я поставил топчан - сколоченные доски на крестовинах - и спал, меня клопы не кусали. Кто ляжет со мной, ночью убежит - клопы заедают. Ты, говорят, наверное, крепко спишь, поэтому не слышишь укусов. Заставили снять рубашку, нигде ни укуса. Когда собрались идти на молевой сплав, я поднял матрац, все сбежались смотреть: досок было не видно - одно красное полотно из клопов. Наверное, я был горький, клопы меня не кусали.

Стало тепло, и речка поднялась в берегах, вода в речке бурлила, кипела и несла свои воды вниз в сторону поселка. Начали сбрасывать лес: бревна со штабелей сбросишь, бревно его подхватывает течением, и не успеешь оглянуться - его уже унесло на далекое расстояние. Речка в крутых берегах и вся извилистая, когда сбросаем весь лес в речку, его надо сопроводить и зачищать речку от бревен, которые уткнулись в берега. По речке надо пройти пять - десять километров, а перешеек - 10 метров. Перейдешь перешеек - и ты ближе к Сосновке.

Лес летел по речке, как на самолете, но на крутых поворотах длинные бревна не могли развернуться, и получался запор из леса вы-

сотой 5 – 7 метров, а сверху льется водопад. Зрелище неописуемое. Чтобы восстановить процесс спуска леса по реке, нужно было найти бревно, которое заклинило, и перерубить его. Это страшно опасно, когда все кругом гудит. Но работа есть работа. Надо, и мы подвергали себя смертельной опасности. Привяжут ребята на тебя веревку и спускаешься вниз, в руках - длинное топорище. Бревно в обхвате 40- 50 см, стукнешь топором - и вся громада с треском, грохотом летит вниз по течению, ломая все на своем пути, но вверху ребята, держащие веревку, успевают выдернуть тебя и поднять на берег.

Но опасность есть опасность.При скате леса из штабелей погиб один наш товарищ. И при разборке запоров тоже погиб один из товарищей. Тяжело мы переживали смерть наших товарищей, и похоронить мы их не сумели. В грохоте бревен, которые ломали как спички бревна, невозможно было найти их тела. Возможно, где-то и выбросило их потом на берег.

Плывут бревна по речке густо, надо перебежать на другой берег, и мы бежим - в руках багор, с которым не расстаешься весь период молевого сплава. Смотришь, бревна разошлись, падаешь на багор, на два бревна, и летишь, пока снова лес собьется в кучу, и бежишь дальше. Сейчас вспоминаешь, как мы рисковали, и как–то на душе становится неприятно, хотя и прошло уже более полувека.

Ночевали во время молевого сплава прямо на берегу, где ночь застанет. Разводили костер, доставали сухой паек, который нам выдавали. В паек входила банка американской тушенки, сухарь и небольшой комочек сахара, иногда кусочек американского шоколада. По окончанию войны Америка поставляла армейские продукты в нашу страну.

Поутру проснешься, смотришь - а рыбы в речке было много, особенно мелкий окунь и ерш. Запор прорвет, вода спадет, а на берегах остаются метровые кучи этой рыбы. Идем и некоторую поскидываем в реку, но разве возможно на расстоянии более тридцати километров сбросить всю эту рыбу обратно? Такая рыба была хорошим кормом для медведей и разной животности, ее там было много. Много было рыси, лис, а глухаря, тетерева было еще больше. Они нас не боялись, сидят, с дерева смотрят или гальку клюют. В то время глухие места были мало тронуты человеком, и природа была в том великолепии, в котором она должна быть всегда. Когда возил лес на монголе из лесосеки, а возили на большой Котлахский сор, выезжа-

ешь из леса, а по всему берегу сора сидят на деревьях сотни тетеревов и щелкают клювами, никого не боятся.

Закончили молевой сплав, приехал председатель колхоза Бахарев А.П. и зовет меня опять в колхоз. Степан Сафронович, начальник Хуготского участка, сказал, что не отдаст ценного работника в колхоз, и направил меня в Алешкино плоты водить. Алешкино находится ниже Сергино, где плоты вязали в большой плот - двадцать пять-двадцать восемь тысяч кубометров - и отправляли в Салехард.

Пришел пароход – колесник в Котлах, и мы по речкам стали выводить плоты через Коремпост в Алешкино. Пароход тянул плот. А мы, бригада из восьми человек, стояли по обеим сторонам плота и толкали его на глубину речки. И так до Алешкино.

На сформированной плотоматке стояли два домика, в одном жили рабочие, в другом - столовая и магазин. Посредине плотоматки стояло большое колесо, на котором было тридцать две ручки, мы называли его «чертовое колесо». Сколько было ручек на колесе, столько было человек на плотоматке. Сзади плотоматки находились два лота по две с половиной тонны и два якоря огромных, это нужно было для регулировки и остановки плотоматки, в случае погодных условий. Механизации в тот период еще не было никакой.

Спустя много лет на плотоматку поставят лебедки и управлять всем процессом будут пять человек, теплоходы станут более мощными, уже не колесники. Плотоматки стали формировать не более восемнадцати тысяч.

Впереди нас шла плотоматка с телеграфником с Сургута, и команда теплохода не сумела вовремя поставить плотоматку на отстой к берегу, и их разбило. Привели всего в кошеле 5 тысяч кубометров. По поставке плота в Салехард капитана теплохода и лоцмана, по вине которых произошло крушение плотоматки, забрала милиция. В те времена было очень строго.

У нас на плотоматке лоцманом был Фильков Дмитрий Иванович, тоже ссыльный с Челябинской области. Он командовал, когда какой якорь отпустить, поднять, или поставить плотоматку к берегу.

Продавцом в магазине на плотоматке была женщина, тоже ссыльная, с Западной Украины. Ей сказали, что можно ехать в Салехард. Но когда плотоматка приплыла к поселку Перегребное, где заканчивался наш район, приезжает участковый и снимает ее с плотоматки, а вам, говорит, дальше ехать не разрешили. Лоцман в панике: кому передать магазин, в магазине много продуктов, только одного спир-

та пятьдесят ящиков, мука, сахар, крупы и другие продукты. Зачем было спирта пятьдесят ящиков - я так и не понял. Лоцман ко мне: Вася, принимай магазин. Я говорю: «Ладно, я приму магазин, только при условии, что я буду на основной работе клевщиком пятого разряда». Думаю, что заработаю клевщиком, если сделаю недостачу-будет чем оплатить.

Плывем с плотом, подъезжает к борту плотоматки хант на колданке, предлагает нельмы по 5- 10 кг. Спрашивает, «винка» есть ли, спиртное было, я ему бутылку, а он всю рыбу выбросал на плот нам. Питание было котловое, так дешевле.

Началась буря, и лоцман дал команду поставить плотоматку к берегу на отстой. Поставили, стоим сутки, другие, ремонтируем боковые счалы. На четвертые сутки кончились продукты - хлеб, тушенка, рыба. Остались только мука и сахар. Что делать? Ветер начал затихать, но и на пароходе закончились продукты. Капитан парохода говорит, где-то надо пополнить запасы, близко нет населенных пунктов. Повыше отстоя плотоматки небольшое соровое устье, смотрим, оттуда на колданке выезжает хант и к нам. Мы спрашиваем, где есть поселок, он показывает на это соровое устье. Капитан спрашивает, пройдет ли пароход в соровое устье, он показывает на колданку и говорит, как не пройдет. Мы посмеялись, но деваться было некуда. Хант впереди на колданке, а пароход сзади. Смотрим, впереди большой сор, а справа на берегу небольшая деревня. Кричим ему, чтобы подъезжал к пароходу. Он подъехал, а пароход как сработает задним ходом, колданка вылетела у него из-под ног, мы поймали его за руки и подняли на пароход. А он, еще когда подъезжал к плотоматке, спросил, есть ли «винка» (бутылка). Мы ему дали чекушку спирта и подошли пароходом к берегу поселка. Вся деревня сбежалась - от старого до малого - смотреть на пароход, они никогда не видели парохода. Мы с лоцманом сошли на берег, спросили, где председатель колхоза, они нам показали на дом, где живет председатель, но сказали, что он пьяный. Зашли в дом, с нами его заместитель или кто другой, он разбудил председателя. Председатель проснулся, зам его рассказал, кто мы. Первое, что он спросил, есть ли у нас винка. Да, спирт у нас был. Мы его опохмелили, и он стал рассуждать по-человечески. Спросил, что нам надо. Лоцман сказал, нам нужен хлеб - 30 булок - и мясо. Он быстро отправил зама за пекарями. Они приходят, он дает им задание - испечь 30 булок хлеба, а они говорят, что это невозможно, потому что пекут по шесть

булок на день, он как закричит на них: « К утру чтобы готовы были тридцать булок!», и они выполнили его задание, пекли всей деревней. Утром пришли мы к нему, он повел нас на луг за поселком, где паслись бычки. Вот, показывает, стреляй какой надо. Лоцман отобрал одного бычка, сходил за ружьем и застрелил одного. Я первый и последний раз тогда пил свежую кровь.

Так пошли мы дальше, на Салехард.

Перед Салехардом к нашей плотоматке подошло четыре парохода, для того, чтобы нашу плотоматку поставить в речку Полуй, на которой стоит Салехард.

Поднимают меня в четыре утра команды с теплохода, спрашивают, что есть в магазине, смотрю, выстроилась очередь, и я в момент все распродал. Остались у меня весы с гирями да два куска мыла.

Посадили нас на теплоход и мы прибыли в Малый Атлым, с Малого Атлыма через Поснокорт и в Сосновку.

По прибытию я пошел в отдел рабочего снабжения, сдал документы по торговле с плотоматки, а деньги я отправлял по телеграфу, Меня начал отдел рабочего снабжения просить принять магазин в Сосновке, но я сказал, это не мое и торговать я не буду. Я всю жизнь, решил, буду заниматься лесом.

Осенью меня снова направили на Хуготский участок, готовиться к зимнему периоду заготовки и вывозки леса, но колхоз от меня не отставал, и руководство Хугота договорилось отдать за меня сорок норм колхозу.

В столовой Хуготского участка было холодно, а печка – бочка, которой отапливали столовую, осталась в избушке километров в пятнадцати от лесоучастка. Начальник участка Степан Сафронович спросил, кто согласится пойти за этой бочкой по тайге, полной зверя разного. Никто не согласился. Выбор пал на меня. Мне деваться некуда, меня спасают от колхоза. Я знал, где эта избушка находится. Взял веревку и пошел, дорога была зимник, кругом пни да колоды. Я пошел к избушке, когда пришел к избушке – увидел, что она на той стороне речки. Через речку лежал толстый кедр с сучьями. Я перебрался через речку по этому кедру. Пришел в избушку, когда начало темнеть. Я затопил печку, в избушке было все необходимое: вода, дрова, питание, в случае если человек придет ночью или уставший, может обогреться. Вскипятил чай, дверь изнутри закрыл на палку и лег спать. Тайга живет и днем, и ночью, слышу, филин щелкает клювом, потом какая-то птица пролетела со свистом. Было одно-

му страшновато, слышу, мыши шуршат в сене. Пока я пришел, устроился на ночлег, устал, потому и вскоре уснул. Проснулся утром рано, слышу - тетерева щебечут, слетелись на дымок. Попил чаю - и в путь. Вытряхнул все из бочки, снял трубу, подтащил все к речке, привязал, а сам переполз обратно к дороге. За веревку перетащил волоком бочку–печку. Привязал, сделал как рюкзак, положил трубы в печку, надел на плечи и пошел. Бочка тяжелая, да высотой она чуть меньше меня, но нести надо. Пройду немного - плечи режет, подберу пенек, чтобы поставить бочку и самому рядом присесть, плечи освободить. Так прошел, наверное, полпути. Иду, а с правой стороны стоит лес, сосняк, как насаженный - ни сучка на стволах, а на вершинах - сучья как шляпа красивая с перьями надета. Полюбовался, надел на плечи бочку и иду дальше. Слышу, где-то со стороны этого леса что-то похрустывает. Я остановился, сел на пень и давай осматриваться. Смотрю, от меня метрах в тридцати в этом бору стоит громадный медведь на задних лапах.

Мне деваться некуда, только сердце сжалось и жалко себя стало. Думаю, сожрет меня и не подавится. Надеваю бочку, иду дальше, слышу - под ногами у медведя похрустывает. Значит, он идет наравне со мной. Я кручу бочку за спиной, туда-сюда, труба издает звук, говорят, медведи железного звона боятся, но ничего они не боятся. Я иду, снова остановился, сил нет, отдыхаю, и медведь стоит на задних лапах. Так шли мы с ним километра три, пока не кончился этот бор. Дальше крутой лог и растет в логу разный лес и кустарник. Я сел отдыхать, медведь стоит. Я отдохнул, взял бочку на плечи, смотрю, медведь отпустился на передние лапы, рявкнул и скрылся в логу. А у меня как-то уже и страху не осталось, видимо, он решил меня проводить, одному мне скучно. Так потихоньку в темноте я пришел на участок. На участке находилось какое-то начальство, и по одному вызывают в столовую. Я рассказал историю с медведем, и ребята спросили меня, не надо ли мне сходить в баню. Но у меня все было в порядке. Пригласили и меня к начальству, предложили переехать на новый участок, я дал согласие переехать на новый участок по названию Котлах, первое время он был типичным участку Хуготу. Такой же большой барак, те же печки, те же лампы, нары двухъярусные и такие же трудолюбивые, с добрым отношением ко всем и всему происходящему, «тети Маши». Только первое время не было столько клопов, как на Хуготе.

Лесофонд, который нам предстояло осваивать, был лучше, чем

на Хуготе, по плотности и насаждению. Так началась жизнь на новом участке. На Котлахском лесоучастке меня направили валить лес. Валить же пошел я один, помощника не взял. Мне дали лучок, это пила, тонкая, фигурная, натянутая на раму, очень легкая. Подойду к дереву, а оно толстое и высокое - до 30 метров высотой, а я высотой метр шестьдесят сантиметров, стал я валить лес при помощи клина, подпилю, подколочу клин - и дерево падает в нужном направлении. Был там у меня друг Степан, родители тоже ссыльные с Челябинской области, его отец был пилоправом, отлично мог настроить инструмент, пила в дерево идет как по маслу, а это главное. Свалю лесину, нужно обрубить и сжечь сучья, ошкурить пенек и собрать все сучья граблями и сжечь. Еще нужно было раскатать лес, чтобы возчик леса мог заехать. Вечером приходит приемщик леса. Если какая-то операция не выполнена, принимать лес не будет, а до утра его вывезут, возили ночами на лошадях, а потом искать бесполезно. После нашей валки леса оставалась пустыня, молодняк и вся мелкая древесина сжигалась. Впереди вальщиков шли женщины с топорами, вырубали весь молодой лес и сжигали. Такая была технология: «после нас хоть потоп».

Выполнял я до двух норм, при норме 5,7 кубометров я валил и обрабатывал по 11 – 12 кубометров.

К весне 1949 года привезли первую механизацию, пилы ВАКОП, весом 28 кг. Две ручки, таскать ее надо было вдвоем, да еще кабель. Давай меня уговаривать работать на этой пиле. Отказаться было нельзя, ведь я колхозник. Повозились мы повозились с этим вакопом, никакой выработки, и бросили, и начальство поняло, что это не та техника, и возить пилы не стали, ничего, снова перешли на «Лучки». Я выполнял высокие нормы и кормили нас, передовиков производства, хорошо, только была конина вместо медвежатины.

Друг мой Устинов Степан работал с бригадой женщин на раскряжевке леса. Степан предложил мне объединиться в одну бригаду, и начальству леспромхоза нужно было вводить что–то новое. Организовались, мне дали помощника - вальщика, в тот период главная механизация была такая - лучок, топор и валочная вилка. Поднялась производительность труда. Вскоре к нам поступили первая в леспромхозе электростанция ПС – 12 – 200 и электропилы ЭПЧ. Весом 8 кг. Приехало начальство, давай нас уговаривать работать на электростанции. Но новое всегда внедряется с трудом. Возьмем

пилу ЭПЧ, попробуем, то ручка мешает валить, то кабель тяжело тащится, снова бросим. Потом приезжает специалист. Собрали нас около электростанции. Рядом стоял кедр, берет специалист пилу и раскроил этот кедр вдоль ствола кедра на полтора метра. На нас это произвело огромное впечатление.

Это был перелом в сторону механизации. Первыми мы взялись: я - вальщик, Степан - раскряжевщик. Создали бригаду из двенадцати человек. Работали с 8 утра до 8 вечера. И валили в день сто – сто двадцать кубометров в смену. К вечеру старались навалить больше леса. Как стемнеет, всей бригадой рубим сучья, разжигаем костры, делается светло, и работаем до восьми вечера. Лесосека находилась в восьми километрах от участка, утром и вечером ходили пешком на работу и с работы. Идем домой, сначала уставшие, немного пройдем, как будто бы и отдохнем, и давай девчонок кидать в снег, они нас моложе были, энергии было много.

Лес же так и возили на лошадях. Так закончился сезон 1950 – 51-го года, снова меня требуют в колхоз.

Приезжает начальник, говорит, задолбит меня этот колхоз, но ничего, чего-нибудь придумаем. Пообещали леспромхозу тракторы КТ – 12 на газочурке. Меня и еще троих ребят направили учиться в Ханты –Мансийск. В этот период Ханты – Мансийск был обычной деревянной деревней, ни дорог, не надлежащих строений не было. Несколько двух-трех-этажных деревянных домов. В Ханты - Мансийске мы учились хорошо, но учились по плакатам, тракторов не было. Приехали на лесоучасток, и пришли трактора. Повезли нас смотреть трактора в Поснокорт. Походили мы вокруг тракторов, а и не знаем, как дверку открыть. На плакатах вроде все было понятно. Нас снова отправляют учиться, теперь уже в Тобольск, там уже были трактора КТ – 12, где мы проходили практику.

По приезду в Котлах, когда спала летняя вода, речки и ручьи обмелели, нас направили перегонять трактора с Поснокорта в Котлах. Перегоняли трактора больше месяца, перестилали речки лесом, где трактора не шли, тянули друг друга тросами, так добрались до зимовки. Это место перед Лорбинским сором. Там стояли бараки, жил один сторож, это можно назвать пересылочный пункт. До зимовки доходили катера, а дальше можно было ехать на шитике, это лодка, сколоченная из досок с широким дном, и по бокам по одной доске. На шитике толкались шестами, речка обмелела, так можно было добраться до поселка Сосновка, то есть Лорбы. Лорба состояла из

двух поселков - Лиственное и Сосновка. Лиственное -это несколько домов, там жили переселенцы, в общем, и в Сосновке тоже. Подъехали к зимовке, остановились на другом берегу. Сторож нас перевез на другой берег, и мы, измотанные, пали сразу спать. При перегоне спали в кабинах тракторов. Спали двое суток беспробудно. У нас кончились продукты, и начальство пообещало завезти на зимовку продукты, но не завезли, и мы оказались без продуктов, но кушать хочется, сеток ловить рыбу не было. Чтобы поймать рыбу, мы ходили по берегу, смотрим - только мелкая рыба, стоит ее у берега видимо–невидимо. Кто-то из ребят снимает рубаху и как неводом закидывает. Получилось, и так мы стали ловить по кастрюле. Соли тоже не было. Сварим рыбу, есть нельзя, один песок, а уха жирная, так мы прожили трое суток. А потом на катере завезли продукты.

Трактора, как я уже говорил, были газогенераторные. На тракторе сбоку стояла большая бочка, плотно закрытая сверху. Топилась эта бочка деревянной чуркой березы, очищенной от бересты, распиленная на 5 -7 см и колотая не толще 10 см, этих маленьких чурок из мешка засыпаешь в бункер и разжигаешь. В кабине стоял вентилятор с ручкой - и начинаешь его вращать. Крутишь до тех пор, пока выходящий газ из бункера не загорит. Как газ загорит, помощник тракториста начинает крутить рукояткой вручную двигатель. Работа не из легких, пока заведешь, не один раз вспотеешь. Ни аккумуляторов, ни бензина не было. Были только масло для заливки в двигатель и солидол - смазывать ходовую часть трактора. Так работали на дереве, и дерево возили. Завезли нам газочурку, масло для заправки двигателей, и мы погнали трактора дальше до Котлаха, где берегом по кустам, где сором по грязи.

В этот период к нам на север сослали гуцулов, с Западной Украины. Водой их довезли до Поснокорта, а дальше на лошадях, это был сентябрь 1951 года. Было холодно, но еще ничего не застыло. Лошади были запряжены в каламашки. Это два полоза и одна поперечина, все оковано железом. На эти коломашки посадили ссыльных, это были дети и старики. По сору лошади тонули по колено в грязи, падают дети, старики сваливаются в эту грязь. Ямщики кроют матом, только кнуты свистят, и над сором стоит вой детей и стариков. Не дай Бог никому видеть это зрелище. До сих пор, хотя с того времени прошло более пятидесяти лет, как вспомню это зрелище, этот волчий вой стариков и детей, мне становится не по себе.

Мы гнали трактора берегом сора по кустарнику, тракторы уже не

тонули. Осталось километров десять до Котлаха. Мы обошли эти повозки, остановили их и сгрузили вещи ссыльных на трактора. Так им было ехать легче. Пережить то, что пережили наши родители... Мне особенно было жалко этих людей. Привезли их в Котлах и поселили в наш барак, в котором и так более трехсот человек. Жизнь есть жизнь, ее все равно надо жить, а кому как на роду написано - никуда не денешься. Гуцулы быстро освоились, были среди них в основном ребята по 13–15 лет, матери да старики. Администрация леспромхоза разрешила им дать лес и лесоматериал для строительства жилья. И они быстро освоились и настроили себе жилье. Так начал разрастаться Котлахский участок.

Среди гуцулов были мастера. Они построили кузницу и делали из металла разные чудеса. Мы с ними быстро подружились и жили одной семьей. Ходили в свободное время к ним в квартиры. Никогда не забуду, какие они стряпали вареники, пальчики оближешь. На Котлахском участке был медицинский пункт, фельдшером работала медичка, жена Колташкова Бориса, его родители тоже были сосланы из Челябинской области в Лорбу. Мы часто проводили время вместе. В один из выходных дней Борис позвал меня в лес на охоту. Я своего ружья никогда не имел. Выпал первый снежок, был небольшой мороз. Идем, слышим, залаяла собака. Борис подкрался и убил глухаря. Идем дальше, вышли на выруб. Смотрим, не так далеко от нас стоит березка и вся увешана рябчиками, как елочными игрушками. Рябчики белые, на солнце блестят да еще тихонько покачиваются. Солнце, блеск снега, березки - выглядело это все сказочно. Борис остановил меня, передал поводок собаки, смотри, говорит, чтобы не лаяла. Я присел на корточки, глажу собаку, а Борис пошел, не пошел, а пополз к этой сказочной березке, от нее метрах в тридцати лежала большая толстая лесина. Я наблюдаю, что же будет дальше? Борис подошел к этой валежине, положил мелкокалиберку на дерево и стал стрелять снизу березки. Березка была увешана, если можно так выразиться, рябчиками, их было там штук около тридцати. Снизу смотрит, рябчик упадет, а верхние на него смотрят, так он убил восемнадцать этих чудесных птичек. Глухарь да рябчики - нагрузились хорошо. Собак отпустили и пошли на участок. По дороге еще убили двух тетеревов. Вот такой был улов.

Наступил сезон 1951 – 1952 года. От берега сора до лесосеки, это 8 км, построили узкоколейку (железную дорогу). В лесосеке построили эстакаду для разделки леса. Так участок стал полумехани-

зированным. Построили в лесу гаражи, куда мы загоняли трактора на ночь. Гуцулы были мастеровые, изготовили нам все навесное оборудование для трелевки леса, заплели троса, сделали чокера. Так началось полумеханизированная заготовка, разделка и вывозка леса. Доставленную нами на тракторах к эстакаде древесину Степан, мой друг, разделывал бригадой на сортименты, укладывал в вагонетки. Вагонетки зацепляли крючком за лошадь и, стронутые с места, вагонетки сами катились до самого нижнего склада, вся дорога шла под уклон вплоть до сора, там снова лошади подвозили вагонетки к месту складирования леса. И так без лошадей никуда. Вагонетки развивали скорость до 40 км и садиться на них категорически запрещалось. Один дед гуцул решил прокатиться, бревна дорогой развалились, упали с вагонетки, и деда раздавило, убило сразу.

Мы с напарником, с которым вместе учились, начали возить лес из лесосеки в нижний склад. Нам выдали по комплекту чокеров и одному чокеровщику. Я смотрю, трактор у меня простаивает много времени. Я стал думать, как увеличить производительность. Пошел к мастеру и попросил изготовить мне еще один комплект чокеров. Они сделали. И я взял чокеровщиком женщину. Один чокеровщик в лесосеке зацеплял лесины, другой со мной на эстакаде отцепляет, и так довел выработку на тракторе до 80 кубометров при норме 47 кубометров. Сократил простои трактора до минимума. Восемьдесят кубометров в смену - это был окружной рекорд на тракторе КТ – 12.

В этот период меня избрали комсомольским вожаком. Было налажено питание, вечером приезжаем с работы, для нас накрыт праздничный стол в столовой и всегда стоял на столе спирт. Но никто не напивался. Была строгая дисциплина, да и утром в шесть утра надо идти на работу заводить трактор. К восьми должен быть в лесосеке. На обед нам привозили горячее питание и сто граммов разведенного спирта в лесосеку, в тот период никаких обогревательных домиков не было. Обед у костра и костер на природе стали моей частью жизни. Где бы ни был на природе, костер - это основа отдыха.

В марте 1952 года на лесоучасток приезжает руководство леспромхоза, проводит собрание, потому что леспромхоз занял первое место в окружном соревновании. Всем передовикам вручают премии. Меня забирают с собой и везут в Октябрьское, бывшее название «Кондинское», и направляют в Ханты- Мансийск на окружной

пленум передовиков производства. Самолетов в тот период не было, а о вертолетах и знать никто не знал. Первый вертолет двух- местный прилетел в эту глухомань, поселок Заречное, где потом я жил, в 1957 году. Все село сбежалось смотреть на это чудо «Стрекозу». Приписали меня к почте и повезли в Ханты-Мансийск на лошадях, на санях- розвальнях, вместе с мешками и посылками. Деревень в то время было много, начиная с Октябрьского (Кондинское). Большой Камень, большой был колхоз. На луговой стороне деревня Осиновка, чуть дальше Новенькая, Большой Атлым, Подгорное и так дальше. И в каждой деревне был постоялый двор. Любой путник, проходящий, проезжающий на лошадях или пешком, мог отдохнуть, поставить во двор лошадей, где их накормят и напоят. Во всех дворах основным питанием были пельмени и спирт. Ямщики остановятся во дворе, меняют лошадей по перегону. Бегом бегу, заказываю пельмени, пока варятся, а ямщики уже кричат «поехали», был строгий график, почта не могла опоздать, нарушить график. Поэтому почта шла в любую погоду: буран, мороз, днем и ночью. В Ханты - Мансийск привезли меня строго по графику. В окружном комсомоле уже шло совещание, доклады, выступления - как обычно в то время. Перед перерывом объявляют, в зале состоится встреча с передовиком производства округа, достигшим выработки леса за смену 80 кубометров леса на тракторе КТ – 12. Обступили меня кругом трактористы, руководители, и спрашивают, как можно столько сделать, а мне вроде бы и сказать нечего. Ну рассказал, что три комплекта чокеров, два чокеровщика, один чокеровщик – женщина, и сократил до минимума простой трактора под погрузкой и разгрузкой. Выдали мне хорошую премию и именные часы с гравировкой «Молния». В то время иметь часы было так престижно… Это была моя гордость.

Снова меня приписали к почте, день и ночь только кнуты щелкают…

Так закончился осеннее - зимний сезон лесозаготовок 1952 года. Здесь я уже окончательно расстался с колхозом, выдали мне трудовую книжку. Дали мне отпуск и я пошел пешком в апреле с Котлаха на Поснокорт, на Подгорновскую ферму, это более шестидесяти километров. На Подгорновской ферме жил мой отец, пас лошадей. Отец запряг лошадь и я приехал на свою родину в Подгорное. Я еще не знал, что с Котлахом я расстался навсегда.

АРМЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вскоре получил повестку в ряды Советской Армии, но была распутица, и я жил дома еще более двух месяцев. Колхоз имени Кирова в этот период еще был, но еле-еле теплился. В этот период ссыльных стали реабилитировать. Колхоз Подгорновский соединили с Большеатлымским колхозом. Деревня Подгорное тоже стала распадаться. Колхозники, кто поехал на бывшую родину, кто переехал в Большой Атлым. И деревня Подгорное тоже стала распадаться на части. Забрали меня в армию в июне 52-го года. Я опоздал с моим годом, должен был служить на Дальнем Востоке, но оставили нас в Тюмени, где прослужил я три с половиной года связистом. Меня сразу направили в школу младших командиров учиться на сержанта. Через шесть месяцев я получил звание младший сержант и назначили меня командиром взвода. Прослужил я помощником командира взвода шесть месяцев, прибавляют мне звание сержант и назначают старшиной роты, срочной службы.

Так бывает редко в армии, но мне повезло. Находясь в армии, я исполнял ее строгие законы, считал, что так оно и должно быть. Дисциплина была строгая, а наша рота связистов в батальоне была образцовая. Во всех соревнованиях занимала первое место. Строгий порядок в самом помещении. Придет командир батальона в казарму, он к нам часто заходил. Достанет белый носовой платок и идет проверять по койкам, не дай Бог, найдет пылинку. О дедовщине в тот период мало кто знал, в некоторых ротах она была, но я был старшиной срочной службы, поэтому она нас не коснулась. Командир батальона был здоровый мужчина с бритой головой и огромным животом, не помню уже сейчас, как его звали, по званию полковник. Комбат не любил, если солдат, находясь в казарме, стоит, навалившись на койку, койки были двухъярусные, потихоньку сзади подойдет - и как животом ударит, солдат и с ног долой. Смеху на всю роту. Тренируемся с гирями двухпудовыми, кряхтим. Комбат подойдет, берет две гири двухпудовые, подкинет раз двадцать, и говорит: «Учитесь!». И не запыхавшись, уйдет, это был поистине богатырь. Любил солдата с высокой требовательностью и ответственностью. Мне присвоили очередное звание старший сержант. Очередное повышение в звании налагало еще больше ответственности на меня. Солдаты иногда возмущались, что тебе больше всех надо. Но ответ был

один: я такой же солдат, как и вы, и эта высокая требовательность к себе и прошла через всю мою жизнь. Физическая зарядка в пределах часа - это основа всей жизни.

Но в семье, как говорят, не без урода. Был у нас такой солдат Морфиянский: как вечер, вечерняя проверка, он пьяный. Я и командир роты с ног сбились, где он успевает выпить, что может употреблять. В самоволки не ходит. Принимаем меры воспитания - на гаупт-вахту садим, выйдет - опять пьяный. Спиртное покупать не на что, три рубля пятнадцать копеек, на них много не купишь. Отправляет нас в выходной командир роты всю роту в увольнение, оставляет одного Морфиянского. Мы все ушли, командир позвал Морфиянского на беседу, а он говорит: « Не выходите из кабинета минут десять, и я буду пьяный». Кабинет командира роты был рядом с умывальной комнатой. Слышу, говорит командир роты, что-то сбрякало. Снял командир сапоги и потихоньку подошел к Морфиянскому, вырвал у него кружку. Пришел я с увольнения, командир роты вызывает меня к себе и показывает на кружку, что стоит на печи. Я достал кружку, какая-то жидкость, ничем не пахнет. Взболтай, говорит, командир роты. Я взболтал, получилась белая жидкость, и запах зубного порошка. Солдаты мне жаловались, теряется зубной порошок, а я и значения не придал. После этого уволили его в запас.

Подходит весенняя проверка, начали усиленно готовиться. Часто ездим на полигон. Я разучился стрелять, не вижу мишень. Всегда стрелял на отлично. Я по-разному стреляю, бесполезно. Выделили мне дополнительно патронов. И командир роты ездил со мной на полигон, все безуспешно. Командир роты сказал мне: «Не хочешь стрелять, пора тебя разжаловать в рядовые». Наступила весенняя проверка. Приехал генерал и объявил: кто отстреляется на отлично - сразу приказ в отпуск, я и вовсе голову повесил. Вышли на боевые позиции, легли, я смотрю на мишени и думаю, ну мне крышка, да и ребят подведу. Взял автомат на прицел, прижал плотно к плечу, чуть подвинул голову к прицелу, и вот мишени как на ладони. Отстрелялись на отлично. Построили нас, подходит к роте генерал, комбат докладывает. Генерал благодарит за службу и объявляет роте десятидневный отпуск с выездом на родину. Подходит ко мне командир роты и говорит, что я знал, что мы отстреляемся на отлично, видимо, ты просто хотел нас помучить, может, это и к лучшему, мы обратили на это особое внимание, и выполнили задачу на отлично.

Казармы у нас были недалеко от реки Тура. Смотрю, идут кате-

ра, «трамваи», пароходы. Раньше у пароходов портом приписки была Тюмень. Выдали мне с другом, друг был татарин, разрешение на отпуск и мы поехали в отпуск. Приехали в Ханты–Мансийск, а на Оби еще лед стоит. Прожил я в Ханты – Мансийске 10 дней, созвонились с частью. Мне дали разрешение еще на 10 дней. В Ханты–Мансийске жил у друга, был у них в этот период праздник Ураза. Вот так мне посчастливилось посмотреть на их обряды.

Бегали по берегам, искали транспорт и нашли один катер. Меня взяли на катер, и я поехал на свою родину в Подгорное. Катер шел, а кругом лед, как будто на Ледовитом океане. Это был 1956 год. Приехал домой, меня встретили родители, было много радости. Колхоз доживал последние дни своего существования, жители поселка разъехались, кто куда, кто обратно в Челябинск, кто переехал в Большой Атлым. Осталось несколько семей. Мне надо было явиться в военкомат Октябрьского района. Транспорт никакой не ходил. У деда Ильина была небольшая лодочка, долбленка с гребями, легонькая, он дал мне ее и я поехал в Октябрьское (Кондинское). Приехал, отметился в военкомате. В Октябрьском жил двоюродный брат Леонид, и нам очень захотелось съездить на рыбалку. У него была бударка под парусом. Дул сильный низовой ветер, западный, и река Обь разбушевалась, ходили огромные волны. Я говорю, что не переехать сильный вал. Брат говорит, не бойся, только бы рулевое весло выдержало. Подняли парус, он мне дает шток в руки, веревку, за которую закрепляем парус, и говорит, ложись на правый борт и держись. Смотри, если начнет заливать с борта бударку или сломается рулевое весло, отпусти шток. Я не успел оглянуться, как мы оказались на другом берегу Оби. На парусе поднялись по малой Оби до плава. Сделали три плава, поймали осетра килограммов на двадцать, две нельмы, хорошие, не меньше шести – семи килограммов. Муксунов десятка три, налимов. В общем, улов был отличным. Сватья наварила уху из налима, вечером поужинали с ухой и осталось на утро. Утром сватья снова подогрела уху, и она была еще вкуснее. У нас не было заведено, чтобы на другой день есть вчерашнюю уху, так я научился есть вчерашнюю уху, да еще из налима. И полюбил уху на всю жизнь. Затихла погода и я на колданочке, на гребях, возвратился в Подгорное.

Закончилось время отпуска, и я снова вернулся в часть. Наша часть готовилась к учениям. Учения проходили в Омской области. Остановились в одной небольшой деревне, мы остановились около

старенького дома. Вышла хозяйка дома и говорит: «Солдатики, чем бы я вас угостила? Кроме картошки у меня ничего нет». У ней было четверо детей. Мужа убили на войне, а в колхоз надо сдать масло и яйцо, независимо, держишь или нет корову и кур. Накормила она нас картошкой с солью, ох какая была вкусная картошка. Мы дали ей из своего сухого пайка несколько банок тушенки и ребятишек накормили солдатской кашей. В тот период народ любил армию. Хотя у самих не было в достатке продуктов, но они рады были солдату отдать последнее.

Закончилась служба в рядах Советской армии. И я вернулся на свою родину, в Подгорное. Колхоз к тому периоду ликвидировали, и деревню тоже. Часть домов и школу перевезли в Большой Атлым. Осталось три семьи: Пименовы, Слепцовы и мы, Коковины. Осиротевшая бывшая деревня смотрела на Обь пустыми окнами, скрипучими дверями, покосившимися срубами, как после какого-то побоища. Выйдешь вечером на улицу, и жуть берет. Умирая, старики правду говорили: был лес и будет лес. Теперь деревни давно нет, стоит березовый лес. Все собираюсь съездить на свою родину, да никак не получается.

Я стал думать, что делать? Не могу я бросить своих родителей в разрастающемся лесу. За мной приехали представители леспромхоза и давай меня уговаривать ехать работать в Лорбу. Предлагали работать мастером. Приехал главный инженер Шапиро, уговаривал. Организацию Тюменьлеспрома быстро механизировали, и они получали все более новую технику. Лес был основной отраслью в нашем регионе. Поехать в Лорбу я не мог и увезти туда родителей с берега реки Обь, которая спасла нас в трудные годы, и уехать в тайгу, где летом, кроме шитика, никакого транспорта, и ехать на нем можно было так - толкаешь шестом, чтобы доехать до Поснокорта, я отказался.

РАЗВИТИЕ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАШЕМ РАЙОНЕ

Так закончилась работа в Тюменьлеспроме. Стал думать, куда поехать. Большой Атлым тоже в стороне от Оби, и никакого развития там не предвиделось. Поселок Заречное - это выше против течения двенадцать километров, это тоже ссыльный поселок, но там поселок еще развивался, строился. Там тоже жили ссыльные из Челябинской области - Суханов В.И., Малюгин И.П., они руководили промышленной артелью «За коммунизм». Они и пригласили меня.

Промартель занималась заготовкой леса, дров. Делали мебель рамочной конструкции, сани-дровни для лошадей, кошовки. Делали неводники, лодки, баржи, плашкоуты для рыбной промышленности, изготавливали кирпич. В тот период мебель пользовалась большим спросом, шкафы, тумбочки, стулья, кованые сундуки и многое другое. Я с сестрой переехал в Заречное, родители еще год жили в Подгорном. Дали нам в бывшем конном дворе, который готовили под снос, угол, и тепла там было столько же, сколько на улице. Вода в бачке на табуретке застывала. Устроился я кочегаром, стоял локомотив, давал свет, и крутил пилораму, станки деревообработки и все, что можно крутить. Зарплата была сорок рублей в месяц - что делать, выхода нет, надо привыкать. Стояли большие цеха: мебельные, деревообрабатывающие, обозные и другие. Работали там мастера, тоже ссыльные - Мецлер А.А. с сыном, Бачурин И.Т., Трапезников и многие другие. Рядом за ручьем находилось Полевое охотничье хозяйство, занимались выловом рыбы, заготавливали пушного зверя. Основное занятие - это разведение черно-бурых лисиц.

Молодежи в тот период было много в Заречном. Был большой клуб, был один клубный работник. Ремонт клуба молодежь производила сама за счет воскресников. Из леса привезли сруб двухквартирного дома. Поставила его организация, и никто за его отделку не хотел браться. Если хочешь квартиру, бери любую половину, стройматериал дадим, сказало начальство. Барак был срублен из разного леса, одно бревно тонкое, другое толстое. Мне деваться некуда, надо перевозить родителей. Взял одну половину. Вечерами тесал стены, все казанки на руках сбил в кровь. Драл дранку, в общем, все делали вместе с сестрой. Отстроил квартиру, каких в Заречном было мало. И все стали завидовать, какую Коковину дали квартиру. К осе-

ни 1956 года перевез родителей. Избрали меня комсомольским вожаком. Рядом с «ПОХОМ» стояла буровая вышка, бурили нефть, она стояла больше двух лет и дала нефти немного, но все измазались, кто работал на буровой. Там работала лаборанткой девочка, будущая моя жена. Наехало начальство, был грандиозный праздник всего поселка. Я считаю, что эта была первая нефть в нашем районе.

Руководство промартели достало трактор КТ – 12 в Тюменьлеспроме и предложили мне и моему двоюродному брату Виктору, они тоже переехали с Подгорного в Заречное, заниматься лесозаготовками. Для заготовки леса дали нам в бригаду женщин и мы бригадой обеспечили полную потребность лесом и дровами промартель. Рубили лес по речке Малой Атлымке, вывозка леса и дров с лесосек производилась на лошадях километров в восьми от речки Малой Атлымки. На среднем притоке речки жила хантыйская семья. Стояла срубленная избушка, примерно 5 на 5 метров, как зайдешь - слева сплошные нары, посредине железная печка с большим медным чайником. Вместо табуреток дровяные чурки. Хозяина звали Трофим, жены - старая Палашка и молодая Палашка. Лицо старой Палашки я никогда не видел. Как зайдешь, она лицо закрывала платком. Это был год 1956-57-й. Я быстро познакомился с Трофимом и мы сдружились. Как- то приезжаю к нему, он плачет, сколько лет ему было, он и сам не знал, но по его виду лет семьдесят с лишним. «Чего случилось, Трофим?». «Последнего оленя зарезал, как жить буду?».

Но их государство подкармливало. Муку давали, сахар. Трофим зимой на речке ставил запор, и у него всегда было много рыбы, щука и разная мелочь. В ту пору я был мастером по лесозаготовке и когда ехал в лес мимо его избушки, всегда брал ему хлеба, картошки и обязательно читушку спирта. Когда я еду, он обязательно выйдет, встретит меня и не отпустит, пока не напоит чаем. Санитария была, конечно, не на высоте, но я не брезгливый человек, поэтому всегда пил с ним чай. Многие лесозаготовители не хотели заходить, брезговали. Старая Палашка все время шила из бересты хинти и туеса, красиво получалось. Молодая Палашка работала, рубила молодую березу, из нее вила круги для сплачивания бревен, т.е. надевали на два бревна кольцо и клином затягивали, так делали плоты. Проволоки в тот период не было. В шести километрах от избушки вглубь леса было большое осоковое болото, а с левой стороны этого болота находилось их кладбище. Проход к кладбищу Трофим оберегал. И мне постоянно говорил, чтобы никто туда не ходил, предупредил:

увижу, сразу стреляю. И никто туда не ходил. Рядом с кладбищем стоял сосновый бор, но лес стоял не прямой, а все вершины смотрели в разные стороны, мы называли этот лес «пьяный». Я стал просить разрешение на отвод под рубку этого леса. Лесники не отводили без разрешения Трофима. Я спросил у Трофима, почему лес «пьяный», он сказал, когда лес был молодым, его затесали с разных сторон, поэтому он пьяный. Лесники не отводили лес, потому что берегли традиции хантов, хотя в тот период никто не знал, что такое родовые угодья. Долго Трофим упирался, но потом говорит, Васька, ты мой друг и я разрешу тебе рубить лес, только сам сделаю затески от кладбища, и еще раз предупреждаю, кто ходит за затески, увижу, стреляю. Мы старались не нарушать традицию хантов. И выполняли все их условия. Я часто видел Трофима, он на лыжах ходил в Заречное. Волосы заплетены в косички и красные ленточки вплетены в волосы. Голова всегда открыта, любой мороз или ветер. Был он всегда в малице, в рукавах вшиты рукавицы, но он всегда ходил без рукавиц.

Однажды при встрече я спросил: «Зачем идешь в поселок?», он говорит: «Иду к Верке», я спрашиваю: «Заболел?». «Нет,- говорит,- Палашки просят, а я старый стал, за таблетками пошел в больницу». В Заречном была большая больница, три корпуса. Заведующей аптекой была Вера Мецлер, Мецлеры тоже были высланы в Подгорное, жили у нас, потом переехали в Заречное, когда в Подгорном закрыли бондарный цех и обозный цех, то есть ликвидировали в Подгорном деревообработку. Клепку для бочек заготавливали в лесу из кедра. В бочках рыбартель солила рыбу, раньше заморозки рыбы не было. Всю рыбу соленую под прессом укладывали в бочки и отправляли. Я спрашиваю у Веры, чего даешь Трофиму для обеспечения Палашек, она смеется и говорит: «Я собираю все таблетки, у которых кончился срок, и складываю в пакет, Трофим приходит, я ему отдаю». В 1958 году где–то в ноябре я не был у лесников неделю. Приезжаю, смотрю, избушка пустая. Я спрашиваю у рабочих, куда девался Трофим. Они говорят, он умер. Лет ему было много, он говорил, сам не знаю, сколько мне лет, но примерно через две зимы ему должно было исполниться восемьдесят лет. Приехали с Сургута на оленях, похоронили Трофима на его кладбище, которое он оберегал. Забрали Палашек и уехали. Я спрашиваю у рабочих, откуда они приехали, они показали в сторону Севера. Я исходил все кругом на лыжах, и не нашел никакого следа.

Весной 1958 года рубили лес под строительство поселка Комсо-

мольский, что сейчас стоит за Малым Атлымом. Снег был большой, женщины копали траншеи под дороги, а мы валили и скатывали лес в эти траншеи. Возили лес в Заречное на лошадях. Приезжает председатель промартели. В это время начальником был Малюгин Иван Петрович, подозвал меня и говорит: «Поедешь учиться в Москву в институт, нам выделили одно место». Я, конечно, не отказался. В это время я был уже женат, была большая свадьба, по старому обычаю, с катанием на лошадях. Жена у меня Галина Елизаровна Кощеева, в будущем Коковина, вышла из большой семьи, у них было восемь детей, Галина самая старшая. Тесть, Кощеев Елизар Аксенович, работал пекарем в Заречном, пек самый лучший хлеб по всей округе. Елизар Аксенович - участник Великой Отечественной войны, на него приходила похоронка, а через год он сам пришел, был в плену, и спасла его одна женщина, так остался жив. Когда я поехал в Москву, у нас уже была дочь Валентина, я знал, что если я сейчас не поеду в Москву, то до самой старости мне придется рубить лес, ибо в Заречном никакого развития не ожидалось, а наоборот, молодежь разъезжалась и поселок стал пустеть.

Поехал в Москву деревенский парень, даже не имел никакого представления, что такое город. Приехал в зимнем пальто и в валенках, а уже март на дворе. Мне предложили устроиться в гостинице «Ленинградская». Приехал туда, посмотрели на меня и не приняли. Предложили другую гостиницу, более скромную, где я и переночевал. Так я стал цивилизованным человеком. Деньги мне платили неплохие, я оделся, под вид городского, когда приехал в Малый Атлым на пароходе, то меня не узнала моя собственная жена Галя. Так начала меняться наша жизнь с Галей. Галю я устроил заведующей столовой, хотя она не умела считать на счетах, я ей помогал и учил, и сам учился. Меня назначили мастером по деревообработке и кирпичному производству, а зимой еще мастером лесозаготовок. Кирпичный завод стоял на берегу речки Малая Атлымка. В 1958 году вода была малая, не было в реке Обь большого подъема воды, и сплавная контора была, такая организация, решили перекрыть речку землей. В этот период быстрыми темпами строился Комсомольский ЛЗУ и уже давал лес. За счет перекрытия устья речки землей планировалось поднять уровень воды в сору, чтобы подняло плоты, и лес можно было кранами перебросить через плотину и отгрузить потребителю. Пригнали бульдозеры и перекрыли речку, подняли уровень воды. Когда пригнали бульдозеры, я говорю их руководителю, что под той стороной речки есть ручей, там надо подготовить первый спуск воды,

а то может и поселок снести. Все рассчитано, сработано, говорят, инженерная мысль. Немного леса они перекинули и решили открыть речку. На другую сторону плотины отправили человека с лопатой. Перейдя плотину, он сделал маленькую бороздку, и вода пошла с такой быстротой, что парень бежал, а за ним все рушилась, все гремело, перед концом плотины его смыло и унесло вместе с лесом и водой в реку Обь. Высота волны достигала восьми метров, смывало все на своем пути. Смыло наше кирпичное производство, часть поселка, дома, которые стояли по берегу. Сплавная контора построила новый кирпичный завод. Но глина была некачественная, и вскоре он был закрыт. Шла жизнь, я был комсомольским вожаком, стал работать на руководящей работе, и мне предложили вступить в партию, иначе в те времена нельзя быть на руководящем посту.

Я подал заявление на вступление в партию. Однажды в наш дом пришла соседка и увидела в углу у мамы иконы. Она подняла такой шум, что меня нельзя принимать в партию, в доме иконы. Я стал беседовать с мамой: как быть, работать надо, другой работы нет, кроме как идти валить лес. В то время у нас уже родилась вторая дочь, надо семью кормить, кроме того мама была колхозница. И пенсия была ей не положена, живи, как хочешь. Мама настаивала, чтобы мы хлопотали о назначении ей пенсии, говорила, что хоть 12 рублей, но они мои, куплю внукам конфет. И только в 1969 году ей назначили пенсию 12 рублей. Бюджет дома мы никогда не делили, и деньги у моих стариков были всегда. Мы жили одной семьей, они помогали растить детей, держали скотину, и мы жили не богато, но и не бедно. Убрать иконы? Мама в слезы: скоро и нас выкинете из дому. В общем, разговор был не из приятных. Уговорил маму перевесить иконы к себе в спальную, на том вопрос и порешился. И не взирая ни на что, в доме проводили молебны. Уже здесь, в Октябрьском, до самых последних дней своей жизни они собирались, соблюдая свои христианские праздники. Мой отец не был участником этих молебнов, но никогда не мешал маме проводить их, и я в своей жизни веду себя, как мой отец.

Поселок Заречное еще жил, построили столярный цех, большой светлый, установили оборудование, а молодежь все равно разъезжалась. В одну из ночей кто-то поджег цех и он сгорел. Пригласил меня муж моей тетки Эдвин Александрович в Сотниково порыбачить, он работал бригадиром по добыче рыбы. Поехали мы с Малюгиным И.П., председателем промартели, на лодке- городоушке, с двумя веслами. С Заречного в Сотниково на греблях. Механизации в

то время у нас не было никакой. Приезжаем, Эдвин Александрович говорит: «Разучился я рыбу ловить, все ловят, а я не могу настроить сети, делай с сетями, что хочешь». Обычно рыбак не разрешает трогать настройку сети. Мы с братом рыбачили и он научил меня, как настраивать сети. Об Эдвине Александровиче Гердте я уже рассказывал, о том, как за 8 чебаков он отсидел 8 лет. Поехали мы с ним на своей городовушке на Елизаровский песок, ниже Сотниково 7 километров. Золотой был плав. Там стоял большой барак, рыбаки в основном там жили, домой на греблях за семь километров не наездишься. Я взял сети и смотрю, они действительно не настроены, часть сетей сразу тонет, как камень, часть плывет поверху. Проплыли мы и поймали несколько рыбин. Я перегрузил сети и снова заметались, и сразу сдали 80 кг муксуна и нельмы. Шли хорошо муксун, нельма и осетр. Сдали мы больше 300 кг рыбы, в том числе двух осетров и несколько нельм. Перед утром на рассвете заметались, Иван Петрович говорит,мол, не спи, а я подремлю. Он уснул, и я уснул, проснулся, лодка о берег колотится, а сети вокруг острова, их выбило на берег. Смотрю, а рыбы полные сети, и два осетра, несколько нельм, а муксуна около 200 кг. Мы разделись и давай тащить сети в лодку и путать рыбу, возились часа три. Один провяз скрутило в веревку. На подъеме бударок стоял катер «Медчик», поднимал бударки на замет. Капитан говорит: «Одного осетра мне, и будем раскручивать сети». Отдали и раскрутили сеть. Приезжает Эдвин Александрович, мы показываем, что у нас полный люк бударки, да еще сдали больше всех. Нам наложили полную лодку, даже ноги было некуда поставить, и мы поехали на греблях в Заречное. От Подгорного тянули бечевой, как бурлаки, но было всем хорошо.

В начале 1959 года была проведена амнистия, и народ, который был сослан в те далекие времена, в военное и послевоенное время, стал разъезжаться, но многие так и остались жить здесь, на Севере, приобрели специальности, поженились, завели свои семьи. Но Заречное все равно пошло в упадок. Я работал мастером до 1959 года. Леонид Матирьевич работал бухгалтером Октябрьского промкомбината, а в 1959 году промартель «За коммунизм» ликвидировали, передали в Октябрьский промкомбинат. Приезжает Леонид Матирьевич с директором промкомбината Гаврилушкиным Павлом Павловичем и просят меня переехать работать в Октябрьское технорук промкомбината. Я подумал, растут дети, им учиться надо, и дал согласие на переезд в Октябрьское.

Так в октябре 1960 года я переехал в Октябрьское, а в ноябре по

первому зимнику я перевез жену Галину Елизаровну с грудным ребенком. Машин не было, мы сделали шатер на кошовке и приехали в Октябрьское. Промкомбинат в тот период занимался выработкой кирпича. На Половинке стоял столярный цех, работала пилорама. Выпускали мебель рамочной конструкции, сани, кошовки. Пекли пряники, были кондитерский и коптильный цеха. Делали конскую колбасу, газированную воду, квас, медок. Для обеспечения столярного цеха, лесорамы требовался лес, нужны были для кирпичного дрова. Промкомбинат занимался лесозаготовками. Лесозаготовки производились вручную, ручными пилами, лес возили на лошадях. Была больше семидесяти рабочих лошадей, и никакой механизации. Лес готовили в Октябрьском и в Кормужиханской речке. Рубили лес под строительство Кормужиханского поселка, который строился ускоренными темпами. Первым начальником Кормужиханского лесозаготовительного участка был Панин В. Он дал бесплатно первую бензопилу «Дружба».

Так появилась первая механизация в промкомбинате. Шло время, лесная промышленность в районе развивалась ускоренными темпами, а наша местная оставалась на месте. Развивалась Сергинская сплавная контора, в этот период она находилась в Октябрьском. Появился новый Унъюганский леспромхоз, его быстро механизировали. Бессменным руководителем предприятия был Альшевский Михаил Иванович, в дальнейшем он окажет нам большую помощь в развитии нашего предприятия.

С развитием лесной промышленности бурными темпами начала развиваться нефтяная, газовая промышленность. Строилась железная дорога на Приобье. Дорога подошла к Нягани. Галина Елизаровна, моя жена, ездила в отпуск, а обратно вернулась железной дорогой в Нягань. В тот период кроме конных дорог никаких других по нашему району не было. Я запряг своего выездного коня и поехал в Нягань. Три дня ездил, через Васькину дачу, это были большие лесоучастки. Шел 1965 год. Подошла железная дорога в Сергино. Потом дорогу проложили и до станции Приобье. И мы собрались - все организации поселка, кто на чем, в кооперации было всего в то время две автомашины, прошел первый бульдозер до станции Сергино, и мы все поехали забивать серебряный костыль. Организация праздника была хорошей, играл духовой оркестр. На станции, в так называемых балках – киосках, была организована продажа всякой всячины. На месте поселка Приобье стояли десятка полтора домиков и магазин в покосившейся избушке.

С приходом дороги жизнь в районе изменилась. Время шло, появились в организациях машины, трактора. А промкомбинат как был на лошадях, так и работал, лучшие кадры стали уходить и искать другую, более оплачиваемую работу, а промкомбинат стал сдавать свои позиции. Закрыли цеха на Половинке, тоже никто не захотел делать мебель и другие деревообработки. Лесораму перевели в Октябрьское. В тот период поселок Октябрьское был весь деревянный, и никаких дорог, сплошное болото. Для пешеходов были тротуары. Как-то помню: иду в поселок, мы жили на окраине, где сейчас контора ЖКХ, стоит Уазик, а рядом, по колено в грязи, секретарь райкома Гварждец Виктор Иванович. Я подошел, а чем поможешь? И слышу, по соседней улице идет трактор С–100, я к нему, помоги вытянуть машину. А тракторист в ответ спрашивает: «Твоя машина?» Я без задней мысли и ответил, что секретаря райкома В.И. Гварждеца, на что получил от работяги- тракториста очень ценный и не забываемый ответ: не буду вытаскивать, пусть дороги строят! Уговорил я его, вытащили машину, а вскоре воскресниками, выходило все начальство исполкома и райкома, начали прокладывать бетонные плиты. С этого и началось обустройство нашего любимого поселка.

В облисполкоме встал вопрос по обеспечению города Ханты – Мансийска дровами. Раньше дрова для города готовил гортоп, но по новым правилам им запретили вести заготовку леса и дров, а только реализацию. Пригласили на заседание облисполкома начальника управления топливной промышленности Комисарова Сергея Алексеевича и предложили на базе Октябрьского промкомбината создать леспромхоз топливной промышленности и вменили в обязанность вести заготовку дров для города Ханты – Мансийска. В тот период наш окружной центр был деревянный и отапливался дровами. Это был 1969 год. Так появился Октябрьский леспромхоз топливной промышленности. Для заготовки дров был создан в Ханты-Мансийске кухорский лесоучасток, который полностью обеспечивал дровами Ханты – Мансийск.

С ликвидацией промкомбината были ликвидированы цеха по выпуску газированной воды, изготовлению колбасы и пряников. В 1970 году была выделена лесная база по Горнореченску, в тот период называлась Кеушинской. На луговой стороне от Горнореченска стоял поселок Кеушки, бывший Кеушинский колхоз. Леспромхоз в основном начался строиться на отведенной базе с объемом 50 тысяч заготовки, вывозки леса и с переработкой на пиломатериал. Меня

назначили главным инженером лепромхоза. Пришлось срочно переквалифицироваться, стать строителем и лесозаготовителем.

Начали заниматься организационными вопросами, нужно было изучить сырьевую базу будущего Горнореченского ЛЗУ. Была ранняя весна. Искрился и отливал голубизной снег. Природа прекрасна в любое время года. И мы, работая, любовались этой красотой. Пошли по Нижней речке. Это ниже по течению реки Оби от Горнореченского рыбоучастка километра три. Идем по пойме речки, лес стоит - мелколесье, и редкая сосна. Но сосны, на удивление, раскинули свои огромные ветви, кругом сугробы. Деревья стоят по кругу, как будто хоровод завели. А в середине небольшая проталина, и луч яркого солнца, и словно фонтан бьет из-под земли, взлетают снежные брызги, переливаясь всеми цветами радуги. А деревья как живые. Мало того, что в хоровод встали, так создалось впечатление, что они на самом деле живые. Оказывается, на ветках копошатся черные пятна, то становясь большими, то камнем падают вниз. Подойдя ближе, видим: это глухариный ток. Кажется, все птицы севера собрались на этой поляне, в этом красивейшем уголке земли. Вот, опустив красиво голову и распушив свои изумительные хвосты, выступают вперед сами тетерева – петушки. И начинаются самые настоящие бои. До тех пор, пока не поймут, что нравятся своим тетеркам. А потом - очень красивый танец пары. Птицы так громко кричат, что ничего и никого не замечают, на время они становятся глухими. И к ним можно подойти вплотную. Шли большое расстояние и кругом были глухари… Мы шли по лесу, работая на ходу, присматривали делянки, где сделать вырубки, где проложить дороги и с расчетом не одну ночь ночевать в лесу, но мы не сделали ни одного выстрела. Прошли по речке километров десять и наткнулись на старую лесную избушку. В избушке стояла железная печка и старенькие нары. Мы подремонтировали избушку и ночевали в ней пять ночей. Ходили в разные стороны, изучали лесные массивы.

День был солнечный, где - то к полудню сели на валеницу, отдохнуть. Место такое- небольшие увалы и лес, чистая сосна, но не густой. Сидим, отдыхаем, воздух чистый, стукни об лесину - и раздается звон на всю округу. Смотрим, что-то метнулось с дерева на дерево. Слышим, в стороне собаки залаяли. С нами был технорук Дудко Иван Артемьевич. Душевный был человек, по лесу ходил, как у себя по дому. Он мог без компаса и карты пойти по лесу и выйти в запланированное место. В пасмурную погоду он смотрел направление по деревьям. Сучьев на деревьях всегда больше с южной стороны. Иван

Артемьевич говорит: «Сидите тихо и ружья держите наготове». Отошел от нас метров пятьдесят, слышим выстрел, приходит к нам, а у него через плечо сзади тащится по земле большая рысь, сама сжелта и черно- бурые пятна, красавица. Иван Артемьевич говорит: «Тихо, еще одна ходит». Пошел и говорит: будьте внимательны и не теряйте меня из виду. Примерно через полчаса слышим выстрел, приносит вторую рысь, чуть поменьше первой, тоже красивая, мех так и переливается. Что делать? Целиком их нам не унести. Обработали и пошли дальше, от дома мы были километрах в двадцати. Было еще утро, и мы решили пройти километров пять прямо, потом свернуть в сторону дома. Вышли на площадь, стоит мелкий осинник, и кругом все вытоптано, как будто произошла бойня. Иван Артемьевич говорит, что лоси дрались, гон начался, велел держать ружья наготове, они очень опасные, когда гон. Зашли на небольшую сопку, и слышим глухой звук, как будто бьют костяшками друг друга. Дудко говорит, это быки дерутся, и слышен глухой рев. Чтобы не иметь неприятностей, мы свернули в противоположную сторону и пошли к дому. Продукты заканчивались, и надо было идти домой. Погода начала портиться, пошел мокрый снег. Зашли в такой ельник густой, что без помощи топоров и нашей прыти выбраться было невозможно. До дома осталось километров шесть, вышли на старую дорогу, по которой рыбоучасток возил лес. Решили, отдохнем и по дороге и темноте дойдем до поселка. Один из наших, Метликин Александр, говорит, что вы идите, а я дальше идти не могу, разведу костер и переночую. Что делать? Не оставлять же человека в лесу, да, еще в такую дурную погоду. Зашли в густой ельник, вырубили место под шалаш, накрыли лапником сверху, чтобы нас не мочило. Лапника наложили на землю, разгребли снег. Разожгли большой костер. Продукты кончились, глухарей дорогой больше не попадалось, убили одного рябчика, зажарили его на костре, сушняка дров было достаточно. Нас было четверо и три собаки, поделили, поели, скорее всего, положили по кусочку на язык и легли спать: человек, собака, собака, человек, и было тепло. Дежурили по очереди, тайга, мало ли чего. Ночью слышим, недалеко сова на дереве начала свои ночные песни, от ее песен иногда становилось жутко, но усталость и сон делали свое дело. Утром встали, снег кончился, солнышко, светло, и снова захотелось жить. Пошли к поселку, слышим, залаяли собаки, пошел Иван Артемьевич, убил глухаря и несколько рябчиков.

По заданию исполкома райсовета и согласованию с управлением топливной промышленности меня назначили ответственным по стро-

ительству Горнореченского ЛЗУ. Начали подбирать площадку под строительство поселка. Рядом с поселком рыбоучастка, кругом горы да лога. Пришлось отойти вглубь леса. Там нашли площадку, где сейчас стоит горнореченский поселок лесников. Никаких генеральных планов и проектов не было. Дали деньги - стройте. Начали строить общежитие из круглого леса, а пиломатериал закупали в рыбоучастке. Начальник был Рогазин М.А. Он очень много помогал, это был 1971 год. Рыбы в реке не было, вода была очень малая, и рыба скатилась вниз за Полноват. Часть рабочих рыбоучастка перешла работать к нам в лесоучасток. Начали ремонтировать старый барак в поселке рыбоучастка. Рабочих набирали, но попадал в основном контингент из мест не столь отдаленных. На дворе глубокая осень, и мы спешили, чтобы до больших заморозков успеть рабочих поместить в тепло. В рыбоучастке была столовая, а в кооперации скопилось много конфет, и они решили их перевести на медок, это та же крепкая брага. Утром начинают работать, а я ухожу на освоение площадки под строительство поселка. В обед пройду, на улице горит костер. Все мои строители сидят вокруг костра, посредине ведро медка и поют песни. Пока не запретил выпуск медка, работать с этим коллективом было невозможно. Начали строить контору, общежитие на своей площадке. Прихожу утром на площадку, около сруба горит костер, а снег был большой, вокруг костра спят строители, а я смотрю, что-то черное в костре, подошел, а там человек, да и не человек совсем, а одни угли остались, бригадир сгорел заживо. Видать, спал пьяный, свалился в костер и не проснулся.

Становление было очень тяжелое. Милиции не было, только в Карымкарах. И воевали мы с этим коллективом, как могли. Наняли бригады из Тобольска и Грузии. Поселок начал расти, строили двухквартирные дома и трехкомнатные, как в Подгорном. Установили свою лесораму, построили общежитие, столовую. Со строительством жилья начали приезжать семьи с закрытых лесоучастков, которые не захотели переезжать в Нягань. Поселок строили с расчетом, чтобы человек мог держать скотину. Строили сразу стайки, бани и площадки под огород. Нарисованный нами генплан согласовали с архитектурой райисполкома. Набрали семьдесят человек работающих. Поступила первая техника: трактор ТДТ – 40 и два трактора ТДТ – 75, лесовозной техники не было, и возили на трелевочных тракторах, а план не шел. Утром захожу в общежитие, бригада лесозаготовителей сидит, пьет, гармошка играет. Мы отдыхаем, говорят полупьяные рабочие. Я стою, смотрю на них, а один на койке лежит, я

присмотрелся, а он не дышит, я говорю, что он мертвый, они соскочили, давай его трясти. А человека уже не вернуть, мертвый, и снова пили за упокой две недели. Жил я в Октябрьском. Если можно назвать - жил, покажусь день, два, и опять в Горнореченский. Ездил на лошади, были выездные лошади. Два дня еду в Октябрьское, два дня в Горнореченск. Несмотря ни на что, участок жил, развивался. Переехал с семьей и Дудко И.А., я назначил его технoруком, а начальника лесоучастка так подобрать не могу: то попадет пьяница, то какой –то бездарный. Вечером сидим в конторе, разговариваем с Иваном Артемьевичем, он говорит: «В Нягани у меня есть друг, правда, он только освободился из тюрьмы, давали десять лет за убийство человека, отсидел пять, за хорошее поведение освободили». Решили, что этот человек справится в этой должности. Я в исполком, председателем был Кумиров Семен Силантьевич, хороший был мужик, много помогал. Часто приглашал к себе, расспросит, что как. Если надо, поможет. Я к нему, вот, говорю, так и так, не могу начальника найти, он послушал и говорит: « Я тебе не советчик, ты сам меня должен понять, но запрещать не буду, разговора у нас с тобой на эту тему не было». Все ясно, решать мне, пан или пропал. Директором леспромхоза был Гаврилушкин Павел Павлович. Он никак не мог перестроиться и понять, что время лошадей закончилось, надо осваивать технику, заниматься лесом, внедрять новые технологии. Его все еще интересовал больше кирпичный завод, который тоже начал сдавать свои позиции, но он во всех делах меня поддерживал и не мешал работать. Мне было легче перестроиться, потому что я с 16 лет работал в большом лесу, который в тот период набирал темпы роста. Пригласил я через Дудко И.А. его друга Лапина Александра. Встретились мы с ним в Октябрьском, в конторе леспромхоза. На вид мужчина здоровый, губа рассечена, взгляд прямой, жесткий. Обговорили все как есть. Назавтра ехать в Горнореченск, а Павел Павлович говорит, однако, он и нас с тобой проглотит. Но выхода нет, план не идет. Поехали мы с ним на лошади в кошовке, выездной у меня был конь – серебристо-яблочный цвет, сильный был конь. Проехали Карымкары, ферму, Сосновку. День был солнечный, ясный, смотрим, в стороне от дороги стоит березка, и вся усыпана рябчиками, как насажены. Ружья я никогда не имел, с собой не носил. Ходил всегда с маленьким топориком, и нож в ножнах на поясе. Остановились, полюбовались и поехали дальше. Дальше дорога шла лесом. Не доезжая старых Кеушек, что стояли на луговой стороне, Лапин меня и спрашивает, ты меня не боишься, я ведь убийца, в

тюрьме сидел за убийство. Я повернулся к нему и говорю: « Чего мне тебя бояться? Какой резон меня убивать, снова сидеть, да еще воспитывать моих троих детей?» В тот период у меня родился сын Александр. Хорошо, говорит, значит, будем работать. Он говорит, вы мне разрешите, дайте воли, я уволю половину участка рабочих. Я говорю: можешь остаться один, но дай мне план. Под план все есть, нужна систематическая организация труда, наездом этого не сделаешь. Приехали, я его познакомил с участком. Смотрю, подходят двое: мы увольняемся, и так уволилось около половины участка, почти все, которые были приняты из мест не столь отдаленных. Тюремный мир знает друг друга. Прошел какой-то период, план пошел, ничего не делал дополнительного, организовать труд он умел, но, с другой стороны, его боялись. Кто приехал семейный - были довольны им. Он их не трогал, а помогал в организации семейной жизни.

Прошло время, накопились вопросы и по строительству, я стал реже ездить, Лапин и Дудко самостоятельно потянули участок, но надо было поехать, да и зарплату сами возили, как вижу, кто идет по дороге, пешеходных много было, я как стукну вожжами, и пролетаю мимо пешеходов со скоростью. Приезжаю в Горнореченск, захожу в контору, в кабинете сидят два мужика, повыше, поздоровее Лапина. Лапин говорит, ко мне приехали двое, надо их устроить и дать хорошую заработную плату. Я понял, это его охранники. Зарплату назначил по 300 рублей в месяц, но я знал, что они не работали. Я сильно не лез в эти тюремные законы. Собрал собрание, народ не жалуется, довольны начальником, мне больше и не надо, но втихаря слышу, что если кого вызовет в кабинет, ползут на четвереньках. Но для того народа, может быть, так и надо было. Лапин привез семью, у него были жена и сын лет десяти. Жена - маленькая красавица немка. Я часто у них ужинал, пока достраивали столовую, они с Дудко каждый вечер выпивали две бутылки водки, а утром и не заметишь, что они вечером выпивали. Посмотрю я на Лапина и его жену: какие они разные, но женщин не понять.

Время двигалось к весне, в столовой закончились сухие дрова. Дудко И.А. пригласил поехать с ним в лес, посидеть на току . Я говорю, ты знаешь, я не охотник, поезжай с Кирсановым, мастером, у него полное снаряжение, а то враз медведь. Утром следующего дня они поехали в десятую деляну, раньше там заготавливал лес рыбоучасток, и там много сушняка, это километров восемь от поселка. Приехали они в деляну на тракторе и решили побродить по лесу, на-

дели лыжи и разошлись в разные стороны. У Кирсанова карабин, а у Дудко одноствольное простое ружье. Дудко рассказывает: «Иду, смотрю: пар из кучи идет, ну, думаю, берлога. Снял рюкзак, положил в сторону. Срубил елку, топор поставил около рюкзака. Зарядил ружье пулевым зарядом, и к берлоге. Затолкнул елку в берлогу, выстрелил, отскочил в сторону, перезарядил ружье, встал за дерево и жду. Время тянется очень медленно, медведя нет. И у меня сработала мысль: убил. И чуть расслабился. Момент, медведь вылетает из берлоги, как пуля, бьет лапой по ружью, ружье вылетает из рук и падает в снег в сторону. Медведь по инерции пролетает и падает в снег. Сугробы были огромными, больше метра». Дудко падает на медведя, выхватывает нож, и всаживает медведю в бок и крутит ножом. А медведь изловчился и грызет ему руку. Дудко думает: как бы нож всадить повыше к сердцу, пошевелил рукой, вытащил нож, медведь изловчился и выбил нож из руки, и нож улетел в снег. И у Дудко срабатывает мысль: прощай семья, и вскочил с медведя за топором. Медведь соскакивает - и тягу от него. Кирсанов слышит выстрел и идет на выстрел, а впереди густой ельник, ружье на плече, и вдруг из ельника выскакивает медведь, встреча лицом к лицу, и прямо на спину укладывает Кирсанова. Пока падал, сумел выдернуть нож и всаживает в живот медведя, а медведь лапой по лицу и чуть глаз не вырвал. Кирсанов ножом крутит в животе медведя, медведь не выдерживает, соскакивает и тягу. Подходят оба к трактору, там была бутылка водки, обмыли раны, остатки допили, и поехали домой, забыв, зачем приезжали в лес. Дома рассказывают обо всем, бодрые. Потом по три месяца отлежали в больнице. У Дудко рука начала сохнуть, а у друга Кирсанова как-то глаз смотрелся некрасиво, а мужчина он здоровый и красивый был. Приехали из больницы, я спрашиваю Дудко: ну а если бы довелось снова пойти на медведя? «Снова бы пошел, так же с удовольствием». На другой день после происшествия с медведем собрались охотники, пошли в лес по следу, выследили медведя и еще всадили в него восемь пуль. Здоровый был медведь, старый, на шкуре шерсть местами вылезла, а печень как через мясорубку пропустили.

Поздней осенью, когда река уже застыла, мы с Лапиным собрались в Карым- кары, нам нужно было в сельский совет, на совещание. Я решил ехать на своей лошадке, а Лапин поехал на служебной машине, управление в ту пору выделило две автомашины ЗИЛ – 131. Добрались мы до Карымкар довольно быстро и без происшествий, хотя дорога была, мягко сказать, совсем никудышная. Совещание

тоже прошло весьма хорошо. После совещания мы с Лапиным решили, что я поеду в Октябрьское, а он вернется в Горнореченск на служебной машине с шофером.

Как рассказывали потом очевидцы, шофер, пока шло совещание, успел выпить, а на обратном пути случилась оказия: шофер в темноте заехал в колею и забуксовал. Это было недалеко от Карымкарского ГСМ, его в ту пору охраняли охранники, которые и слышали разборку Лапина с водителем.

Лапин, увидев, что шофер пьяный да еще заехал в колею, разозлившись на водителя, выскочил из машины и вытащил этого водителя: «Ты, мразь поганая, опять нажрался, – негодовал Лапин, нанося удары шоферу,- я тебя сейчас научу уму-разуму, как нужно работать», – продолжал кричать Лапин, избивая мужчину. «Только не убивай, крестом Богом прошу», – кричал шофер, пытаясь увернуться от ударов.

Лапин продолжал наносить удары шоферу, пока тот не перестал сопротивляться и кричать, а после, кинув тело на землю, встал и куда-то пошел.

Охранники, которые слышали разборку Лапина с шофером, решили дойти до машины. Возле машины они увидели окрававленное тело шофера. Они притащили его в вагончик. Посадили его на пол и пока готовили воду, чтобы обработать раны, шофер умер.

Лапин, когда узнал, что он снова убил человека, пошел к участковому и признался в убийстве.

А после снова суд, и снова Лапину дали десять лет. Когда осужденных повели по этапу, я попросил конвоира разрешение поговорить с Лапиным.

Подойдя к Лапину я произнес: «Эх, Иван, Иван, ведь все могло быть по- другому». Посмотрев мне пристально в глаза, он сказал: «Это - судьба».

Я передал ему денег и мы с ним распрощались. Жалко мне было его, плохого он мне ничего не сделал. Участок поднял. Охранники, которые его охраняли на моем участке, сразу же куда-то исчезли после его ареста, жена его с сыном уехала к своим родителям.

Спустя много лет я узнал, что его опять выпустили досрочно за примерное поведение, отправив на поселение в Ялуторовск. И там его убили, охрана его не успела приехать, а тюремные законы сделали свое дело, его зарезали. Узнав об этом, я выслал трудовую книжку Лапина его семье для получения пенсии по случаю потери кормильца.

Что касается лесоучастка, участок стал выполнять план, рабочие стали неплохо зарабатывать, разработали огороды, завели свое сельское хозяйство, в основном свиней. Стали переселяться рабочие, лесники. Проблемой оставалось пропитание. Нас не прикрепили ни к одному торговому предприятию. Открыли магазин, по снабжению я в ту пору договорился со Снегиревым, директором Сергинского ОРСа. И хотя он не обязан был снабжать продуктами наш леспромхоз, снабжение было хорошее. О нем говорили, что он был руководитель с большой буквы, знаток своего дела. Дудко стал техноруком лесоучастка. С Карымкар приехал Куклин Николай Александрович, его назначили мастером нижнего склада, так участок приобрел полное руководство, способное руководить и вести коллектив за собой. Построили двухрамный лесопильный цех, гараж на 10 единиц, садик и другие объекты соцкульбыта. Приезжает секретарь райкома Гварждец Виктор Иванович, это был высокотребовательный человек, человек с большой буквы. Посмотрел участок, после чего ставил нас в пример. Улицы Горнореченска широкие, тротуары, штакетники покрашены. Так мы с ним познакомились. Он очень много сделал для меня, как начинающего руководителя. Где какие конференции, симпозиумы, развитие передовых методов в районе, особенно в Унъюгане, Виктор Иванович звонит: « Василий Иванович, завтра к стольки-то часам быть на вертолетной площадке, летим туда-то». Как-то я приехал в Ламский леспромхоз. Смотрю, идет Виктор Иванович, поздоровались, поговорили, он говорит: «Не спешишь?», я говорю, что нет. Зайди, говорит, в контору леспромхоза Ламский. Я зашел, народу много, я сел, сижу. Приходят Гварждец, директор леспромхоза. Директор докладывает обстановку в леспромхозе, дела шли неважно. После выступления директора встает Виктор Иванович и давай он их «крестить», а печка в конторе вся полопалась, и из щелей, видно, шел дым. Ставит на бюро: директора освободить от занимаемой должности. Берет телефон, звонит в Октябрьское, вызывает пожарных, опечатать контору. Выходим, он подзывает меня и спрашивает: «Ты чего-нибудь понял?», я говорю, что все понял. Отпусти, говорит, машину, садись со мной, поедем к Снегиреву. Там собрание, вручение грамот, похвальных листов. Он дал мне понять, как надо работать.

Приезжает начальник управления топливной промышленности Комисаров Сергей Алексеевич, был сильный мужик, с высокой требовательностью и человеческим сердцем. Он никогда не ругался не повышал голос, но его высокая требовательность не оставляла тебе

ничего, кроме безусловного выполнения его воли, заданных задач. Сергей Алексеевич привез документацию по открытию нового лесозаготовительного участка на базе Шеркальской базы. Снова решение облисполкома по открытию нового лесоучастка, новой базы по строительству поселка, старшим назначают меня. Мы поехали в Шеркалы, директором совхоза был Заравнятных Геннадий Павлович, он вершил все дела, хотя там был и сельский совет. Родители его тоже были сосланы, мать его так и жила в Карымкарах, куда они были сосланы. Стали решать, где ставить поселок. Ближе к речке Шеркалке нельзя - будет шум, не будет заходить чебак. В сторону леса - там звероферма, шуметь тоже нельзя. Тракторами по поселку ездить нельзя, в общем, кругом рамки. Мы приехали на другую сторону речки и стали исследовать территорию. Территория неплохая, более менее ровная, а у нас нет ни одного бульдозера, чтобы равнять территорию под строительство, поэтому особое внимание по подбору площади, чтобы была ровная площадка. Занимались мы с Курто, а он хороший лесник, работал на Октябрьском участке. Долго мы с ним изучали эту площадку. Приехали, закончили все дела по площади, остались делать отвод леса, начинать вырубать площадку и начинать строительство. Вечером погода хоть куда: тишина на реке, тепло. Анатолий говорит, мол, завтра суббота, спешить некуда, поедем на ту сторону, я там знаю озеро, от протоки 10 метров. Лодку перетащим и посидим у озера, сетку поставим. Поехали, поставили одну сетку на озеро. Утки на озере полно, крякают, гогочут, смотрим, ондатр проплыл. Давай, договариваемся, сделаем скрадок. Сделали скрадок, поставили маньщики. Он говорит, ты сиди, а я пока светло, пойду место готовить под ночлег, разведу костер. Я сижу, смотрю, утка села, выстрелил, убили. Сидел, сидел, но больше ни одной утки. Анатолий говорит: пойдем к костру, я утром пораньше встану и посижу в скрадке, утром будет утка. Время было: только на реке прошел лед, рыба шла по протокам нерестом… Утром просыпаемся, у меня с собой был тулуп, в это раннее весеннее время у нас на севере все можно ожидать, снег, ветер такой сильный, что тальник к земле пригибало. Посмотрели сетку, один карась, ни уток, ни рыбы. Обработали утку, карася, сварили, в лодке всегда полная экипировка. Сидим, ветер стал еще больше, еще сильнее. Сидим сутки, вторые. Я говорю, Анатолий, надо что-то делать, нас потеряют, хотя мы предупредили, что поехали на три дня. Перетащили мы лодку, потихоньку поехали, а в протоке уток полным-полно. Пока выехали из протоки, убили более двух десятков уток. Едем

бережком, а река кипит, вся белая. На луговой стороне от Шеркал стояла ферма совхоза. Не доезжая до фермы, Обь круто поворачивается к малой Оби, на которой стоит ферма, и у берега такой вал, это не просто вал, это кипит вода, и этот кипящий водоворот достигает высоты больше метра. Я смотрю - лодку стало заплескивать, я кричу Анатолию, чтобы поворачивал круто в берег, иначе утонем. Пока дотянулись до берега, в лодке половина воды. Замочило наши шмотки. Вылезли на берег, пока приводили лодку в порядок, все промокли. Развели костер, сделали шатер, у нас был брезент, высушились, сидим, ждем, когда затихнет ветер. Где-то к вечеру начал понемногу ветер затихать. Мы собрались и потихоньку поехали. Проехали метров сто, смотрим, горит костер, около костра в трусах прыгают два мужика, недалеко от берега лежит лодка кверху дном. Мы покричали, помощь нужна ли. Они говорят, что нет, сейчас подъедут с фермы. Я говорю, нас тоже ждало, если бы не свернули к берегу.

Поехали через Сергинскую протоку, протокой тихо. На протоке стояли несколько гидронамывочных станций, намывали песок под строительство Сергинского поселка, а поселок уже строился бурными темпами. Сплавная контора начала строительство механизированного нижнего склада по переработке древесины, с установкой башенных кранов, большого лесопильного цеха. Директором назначили с большого леса Лукьянова Виктора Георгиевича. Лукьянов мне говорит, мол, давай, Василий Иванович, уделяй больше внимания Горнореченскому ЛЗУ, а я займусь строительством Шеркальского ЛЗУ. Виктор Георгиевич решил строить не так, как построены все поселки на берегу Оби, то есть с запада на восток, он решил ставить дома с севера на юг. Построили двухквартирный дом, с одной стороны зарыли в землю, с другой стороны, дом оказался в два этажа. Приезжает Виктор Георгиевич с Шеркал, злой, говорит, занимайся сам строительством Шеркальского ЛЗУ, я не буду, я не строитель, как будто я строитель. Так я занялся строительством Шеркальского ЛЗУ.

Первым делом поставил помещение под электростанцию, установили пилораму. Появился свой пиломатериал. Построили из досок столовую, обеспечили работающих питанием. Люди приезжали и жили в палатках. Наступала осень, нужно было срочно переселять людей в теплые помещения. Быстро построили общежитие, переселили работающих в теплые помещения. Нарисовал план поселка, стали разрубать площади под строительство поселка. Ориентир был взят на Горнореченский ЛЗУ, там получился неплохой поселок. Пригла-

сил грузин, некоторые приезжали строить Горнореченский ЛЗУ, строили они быстро и неплохого качества. Строили участки чисто из дерева. Фундаменты деревянные, стены строили из бруса, крыши крыли тесом, только сколачивали гвоздями. Поселок строился, нужно было заняться изучением лесофонда, намечать дороги, вести заготовку леса. Начала поступать техника, трактора, автомашины с воинских частей, валочно–трелевочная техника, сучкорезные машины, и все это посмотреть возил меня с собой секретарь райкома Гварждец Виктор Иванович, а мы в тот период и мечтать не могли об этой технике. Ходили с топориком по тайге, изучали сырьевую базу. Особенно много в лесах тогда было соболя. Идем, слышим, залаяли собаки, технорук говорит: соболь, постой, я пойду посмотрю. Я встал под большой ветвистый кедр и стою, слушаю, слышу выстрел. Я повернулся и пошел на выстрел. Подошел технорук Онищук Анатолий, смотрит вверх. Стоит лиственница, толщиной в два обхвата, длиной метров около тридцати, а вверху дупло. Он говорит, там соболь сидит. Я никогда не видел живого соболя. Я говорю, я буду рубить эту лиственку, за пару часов все равно уроню. У меня с собой всегда был маленький топорик, я снял телогрейку и давай рубить. Несколько раз рубнул, соболь выскочил из дупла, Анатолий выстрелил, и соболь упал и побежал. Собаки догнали, так я увидел впервые живого соболя. Спустились в низину, лес стоял, разное мелколесье. Смотрим, стоят лось с лосихой, мы чуть на них не выскочили. Сели за куст, ружье заряжено пулями, не опасно, сидели, любовались, какие сильные животные... Анатолий закурил , ветерок потянул в сторону животных, они учуяли дым, и как побежали, как будто не было метрового снега.

Участок становился тяжело, коллектив собрался опять же в основном из мест, не столь отдаленных, и всяких приключений хватало. Я только уехал с участка, звонят, в общежитии убили вальщика леса. Приезжаю с милицией, давай разбираться. Пили до одури и один из них кинул кастрюлю, в висок попал вальщику и насмерть. Приехала мать, он был у нее один сын, и как это все надо было пережить... Но несмотря ни на что, участок жил, развивался, строился. Снова приехал Комисаров С.А., проехали по участкам, вроде все нормально, но чувствуется, что мы что-то не дорабатываем. Приехали в Октябрьское, утром на работе. Лукьянов в своем кабинете, я в своем. Приходит Сергей Алексеевич, зашел ко мне в кабинет, поздоровался со мной и пошел к директору. Не знаю, о чем они говорили, через некоторое время заходит ко мне в кабинет и гово-

рит, мол, принимай леспромхоз, я освободил Лукьянова В.Г. от обязанностей директора. Никаких разногласий в работе не было, и почему было принято такое решение - я и сейчас не знаю. Сергей Алексеевич говорит, что акт передачи печатают, до обеда подпишешь, а с обеда пойдем в исполком, я там тебя представлю руководству района. Так я стал возглавлять леспромхоз.

Несмотря ни на что, участки жили, развивались. На шеркальском участке собрался сильный здоровый коллектив. Построили столовую, магазин. Надо было решать, как обеспечивать продуктами питания. Торговым предприятием руководил Самохвалов В.В. В 1985 году приехал в ТРП молодой специалист Киприянов Андрей Кириллович, назначили его завторгом. Леспромхоз оказывал ТРП помощь в ремонте магазинов, построили в поселке Шеркалы амбулаторию и оказывали практическую помощь в развитии поселка Шеркалы. С приходом в ТРП завторгом Киприянова А.К. обеспечение продуктами питания лесоучастка намного улучшилось. Вскоре Андрея Кирилловича перевели директором Мало- атлымского ТРП. Работая директором малоатлымского ТРП, Андрей Кириллович также много помогал в обеспечении Горнореченского ЛЗУ продуктами питания. Леспромхоз оказывал помощь ТРП пиломатериалом, лесом. Работали слаженно. Однако участки росли, увеличивался коллектив, и увеличивалась потребность в продуктах питания и другими товарами. Начальником ОРСа был Снегирев Е.А., он с пониманием отнесся к нашим нуждам, и помогал, чем мог.

А.К. Киприянова избрали главой Октябрьского района, и он систематически оказывал практическую помощь в развитии леспромхоза. Пригласили меня в Тюмень на совещание, присутствовал с Москвы зам начальника главка Котов А.М. После совещания, как обычно, собрались в гостиничном номере поговорить, как говорится, в неформальной обстановке. Зам начальника главка, а он до этого был у нас в леспромхозе дважды, расспрашивает, как обстановка, ну я рассказываю, говорю, и помочь бы техникой не мешало. Хорошо, говорит, Василий Иванович, я вам помимо фондов управления выделю две валочно-трелевочные машины и два бесчокерных погрузчика, а то что-то в вашем управлении не хотят заниматься внедрением передовых технологий. С.А. Комисаров растерялся и сказать ничего не может. Спрашивают: « Освоишь?». Деваться было некуда, назвался груздем - полезай в лукошко. Тут я вспомнил В.И. Гварждеца и директора Унъюганского леспромхоза Альшевского М.И. Без их помощи, конечно, я не смогу освоить новую технику. Сергей

Алексеевич, начальник управления, говорит: ты смело взялся, а мы практически ничем не можем помочь, мы эту технику не знаем. Приехал я с Тюмени, пошел на прием к секретарю райкома Гварждецу В.И., доложил обстановку. Он берет телефон и набирает Альшевского М.И., говорит, что надо помочь Октябрьскому ЛПХ в освоении новой техники, не словом, а делом, практически взять шефство над леспромхозом. Слышу в трубку, что Альшевский отвечает, что вопросов нет, пусть приезжает. Тут я вспомнил, не зря возил меня В.И. Гварждец на совещания по передовым методам труда, не раз мы были в леспромхозе у Альшевского М.И. и в лесосеках, и практически смотрели, как осваивается новая техника. Я поехал в Унъюган в леспромхоз к Альшевскому.

Это была действительная практическая помощь, без помощи Унъюганского ЛПХ и лично Героя Соцтруда Альшевского М.И. и секретаря райкома Гварждеца В.И. мы не смогли бы запустить эту технику. Я им до сих пор благодарен, хотя ни Гварждеца В.И., ни Альшевского М.И. в живых давно уже нет. Царство им небесное. С вводом новой техники леспромхоз начал выполнять плановые задания, был неоднократно занесен на районную Доску почета.

Одной техникой план не сделаешь, делают план коллективом. Пришлось связываться с учебными организациями по подготовке кадров, с Заводоуковска приехал мастер по подготовке специалистов по работе на новой технике. Учились шестнадцать человек, а смог хорошо работать только один. Поеду в лесосеку, машинист валочной машины сидит в кабине в галстуке и в пиджаке (любил покрасоваться). И кладет лесину к лесине, а следом бесчокерный трактор, тракторист тоже в одном свитерочке, и гордость берет за нашу страну, за наших изобретателей.

Вспомню начало пятидесятых годов, когда валили лес вручную, лучком, потом пила вакоп, которая себя не оправдала, электропилы ПС – 12 220… И вот здесь, в леспромхозе местной топливной промышленности, работает новая, передовая техника. У меня где-то есть фотография на фоне этой техники. Через какой-то период дали валочно–трелевочную машину Тобольскому леспромхозу. Приезжали с Тобольска к нам учиться работать на новой технике. У них ничего не получилось. Хотя у них лесофонд был лучше чем у нас, ровнее.

В связи с закрытием участка на Половинке мы начали развивать Октябрьский участок. Установили пилораму, начали строительство жилья. Надо было изыскать сырьевую базу, дороги по заготовке, вывозке леса. По дороге надо было построить избушки для прожи-

вания рабочих, автобусов нам не дали. Возили рабочих на оборудованных машинах. Пошли с Трапезниковым Г. изучать лесофонд и намечать дороги. Идем мелколесьем, пересекаем лог, наткнулись на лужайку. Лужайка размером примерно 15 на 15 метров, а в середине лужайки фонтан, а кругом зелень, как будто на юг приехали, было начало апреля. Мы полюбовались этим чудом природы, и пошли, решили спрямить дорогу, а тут крутой бугор, а на бугре песок и галька. Я вышел из–за этого бугра, смотрю, редколесье и равнина. Посмотрел вверх и глазами своим не поверил: на деревьях черные шапки и кругом черно, это глухариный ток. Глухари сидят, на нас смотрят и не улетают, так километра два, и кругом глухари, там дальше пошли увалы, лога, а на сопках сидят кругом глухари. Стрелять мы не стали, нам надо было еще два дня жить в избушке, изучать лесофонд, дороги. Жили в рыбзаводской избушке, ни окон ни дверей настоящих нет. Спали человек- собака. У нас было две собаки. Пошли на другой день изучать лесосеку. Идем, смотрим, пробита тропа, как стая собак прошла. Гриша спрашивает, что это такое, я говорю, что это волчья тропа, волки на зиму со стороны Нягани переходят к тундре, где больше живности, лосей, оленей и другое. Немного прошли, зашли в густой ельник. Ельник высокий и слышим: по вершинам кто-то перепрыгивает с одного дерева на другое. Гриша спрашивает, что это такое, я говорю, что выводок рысей идет по верхушкам деревьев. И говорю ему, чтобы держал ружье наготове, но они прошли в сторону севера. Построили избушку недалеко от этого большого тока. Мы с лесничим предупредили рабочих и водителей, чтобы глухарок не стреляли, и они берегли природу. Едем на машине по лесовозной дороге, а глухарки сидят рядом с дорогой и смотрят на нас, не боялись, это потому, что их никто не трогал. Много еще я ходил по лесу, много видел медведей, лосей, рысей, а я ходил со своим топориком, и меня никто не трогал. Лесоучастки вышли на мощность. Руководители Шеркальского ЛЗУ Бортницкий Л.Б., Горнореченского ЛЗУ Куклин Н.А., руководители, знающие свое дело, повели за собой коллективы на выполнение поставленных задач. В 1986 – 87 годах выполнил все производственные показатели и я. И в 1987 году решил уйти на заслуженный отдых. Не хотели меня отпускать, но я чуть приболел и решил отдыхать. Передал леспромхоз Ковде В.Б., но перестройка сделала свое дело, и леспромхоз самоликвидировался. Я отдохнул два месяца, звонит директор рыбозавода Сыченко Александр Иванович, мы в то время дружили семьями. Василий Иванович, спрашивает, тебе не надоело отдыхать, зай-

ди, побеседуем. Зашел, он говорит, мол, помоги организовать лесозаготовки и поставь пилораму. Подумал, чего дома сидеть, пойду, поработаю. Заготовка леса - моя стихия. Пилорамы устанавливал в Горнореченске, Шеркалах, Октябрьском, это мне тоже не ново.

Так началась жизнь в новом предприятии. Рыбная промышленность мне тоже была знакома с детства. Пришел в рыбозавод, посмотрел их техническое состояние, это, надо сказать, разница в 100 лет против лесной промышленности, валочные машины лес косят, а здесь пешнями лед долбят. Я знаю рыбную промышленность с детства, у меня брат Павел работал плотовым (мастером) на Сотниковском рыбоучастке. Тогда были еще деревянные плашкоуты, а сейчас железные, с более менее удобными жилищными условиями. Две колеи - железные рельсы и вагонки. Рабочие сачками начерпывали в эту вагонку рыбу и лебедка тянула наверх. Холодильников не было, рыбу солили в больших чанах, а потом перекладывали в бочки и под прессом задавливали в них рыбу. Это тяжелый адский ручной труд. На обработке работали в основном женщины. С утра до ночи мокрые, особенно в военное время. По Сотниковскому рыбоучастку основная рыба шла с Большого Атлыма. Речка Батлымка давала рыбы до 50 – 70 тонн за притонение, работали круглые сутки, и все - с малого до взрослого - были рыбаками. В Большом Атлыме был колхоз Кирова, которому Сталин своим распоряжением выделил колхозу автомашину ЗИС – 5 и назвал Батлымку «Золотое дно». Я пришел уже в другие времена, на Октябрьском участке уже был построен транспортер, стоял кран, краном черпали рыбу из трюмов и плашкоутов, транспортер подавал рыбу на сортировку в сортировочный цех, где женщины вручную сортировали ее на листы, а мужчины по подвесной дороге увозили в холодильные камеры. Был построен холодильник. Из кирпича, который мы выпускали в промкомбинате. В холодильник рыбу из камер первичной обработки доставляли на электрокарах. Строился новый холодильник уже с учетом новой технологии. На большом неводе, где добывали в основном рыбу ценных пород, вместо ворота ручного была внедрена машина Колотовкина.

Я был на Горнореченском рыбоучастке и принял участие в притонении невода. Улов был богатый. Работали там два брата Шатовых. Оба- орденоносцы, оба впоследствие получили звание «Почетный гражданин Октябрьского района». Этот участок был основой жизни рыбозавода. Сама природа, совсем другая: если лес - это какая-то однотонность, то природа на воде - разнообразная, то ти-

шина - и сверкает всеми цветами радуги, то загудит, как зверь завоет, кругом черно, одни лишь волны, которые светятся на солнце, словно говорят, подождите, скоро успокоимся и будет снова гладкая и красивая матушка Обь...

Пошел я в лес смотреть сырьевую базу. Леса повырублены. Рядом был Кормужиханский ЛЗУ, что осталось - на том и надо работать. Здесь меньше зверя, птицы, но они есть. Пошел я из лесосеки домой пешком, это километров восемь. Смотрю, дорогу перебежала рыжая лиса. Она меня не испугалась, а так величаво, чуть ускорив шаг, посмотрела на меня, и ушла в кусты. Перехожу речку - средний приток Кормужиханки, смотрю - под ярком что-то шевелится, выдра, черная, на шее как бант белая полоска. Я стоял минут десять и любовался ею. Она долго меня не видела, а увидев, юркнула в какую-то водяную тропу.

Так открыли лесозаготовки. Был в рыбозаводе один трелевочный трактор образца ТДТ–75. Лес возили тракторами, почти дедовский метод. Построили в лесосеке избушку. Жили в лесу рабочие, я всячески старался, чтобы хоть жилье было более менее уютное. Завозил продукты, рабочие выезжали на отдых раз в две недели. Как-то уехали на отдых, закрыли избушку, то есть приставили палку, чтобы дверь не открылась. Приезжаем, дверь открыта, койки разворочены, все вверх дном. Консервы из банок выдавлены, мука, крупа - все рассыпано. Оказывается, медведь - шатун набрел на избушку и съел все продукты. Мы походили, постреляли из ружей, и он больше не приходил. Разрубили площадку, рыбозавод купил пилораму, и мы ее установили. Так появился лес – пиломатериал в рыбозаводе. Поставленная задача -довести заготовку леса до трех тысяч кубометров - была выполнена.

Главное все равно – рыба. И летом мы перешли на рыбную ловлю. Мне в напарники дали молодого парня Сайфундинова Славика. Хороший мужик, семьянин, трое детей, две дочери и сын, всем дал высшее образование. Поехали мы с ним на Обь на вылов нельмы. Сделали несколько плавов, поймали несколько нельм, сдали на плашкоут и под вечер решили еще сделать плав. Ночами рыбоохрана не разрешала рыбачить. Закинули сети, и вдруг я смотрю - речкой курень остановился. Давай выберем, договариваемся. Выбираем. Смотрю: подходит осетр, ну здоровый, хвост у носа бударки(я как пришел в рыбозавод, сразу оборудовал бударку), а голова около Славика на корме, килограммов шестьдесят, наверное, был. Подошел к борту и не шевелится. Я кричу: «Глуши его!», большого осетра

мы ударили топором, а небольшого - молотком, и он несколько секунд успешно стоит. В это время успевай засунуть его в лодку. Славик решил его погладить и взять за жабры, но так его не обхватишь, только всего себя изрежешь колючками. Смотрю: в один миг ни Славика, ни осетра. Я бегом в кормушку, гляжу - подошвы торчат от ботинок, а сам он весь в воде. Но ботинками держится за борт лодки. Я смотрю, куртка всплыла. Я схватил его за куртку и затянул в лодку. Он сообразить ничего не может, сидит и смотрит на меня отрешенно. Потом вдруг как начал ругаться, я такого не слышал не до этого, не после этого. Мы с ним дружим до сих пор, мне уже под 80, подружились в 1987 году. Мне от его ругани, как он кроет сам себя, стало так смешно, просто не могу остановиться. Я-то хладнокровно относился к таким эпизодам. Ушел, ушел, другой придет. В то время было много осетров, и мы много ловили их. Прошло много лет, и мы как со Славиком вспомним этот эпизод, то он не может, чтобы не поругать себя, а мне опять смешно. Говорю ему - забудь, не наш был осетр, но он ему запомнился навсегда.

Наступила осень, я организовал лесозаготовки, научил молодежь работать с лесом, а сам перешел бригадиром рыбодобычи Октябрьского участка. А.И. Сыченко предложил мне цех по ремонту сетей и другого оборудования в дни вылова рыбы, так я стал бригадиром рыбодобычи и мастером по сетепосадочной. Работу леса контролировал, а основное занятие было рыбодобыча. Раньше был разрешен вылов нельмы. Я со Славиком поехал на плав в малую Обь, бударка у нас всегда наготове, мотор ЗИД 4,5 силы. Этот мотор был основной механизацией на добыче рыбы. Приехали, выкинули сети, в тот год нельма шла валом, и за плав поймали 16 нельм, от 5 до 18 кг каждая. Я ни до этого, ни после этого не видел столько нельмы. Вечером погода стихла, и на реке стали видны гребни нельмовых плавников. Васильев Г.И. работал в милиции, пошел на пенсию и на лето устроился рыбаком, к нему подъехали с отдела за каким-то советом. Мы плыли, и у нас из сетей вышла нельма, поплыла в направлении лодки милиции. Мы кричим им, мол, смотрите, к вам нельма плывет, ее видно, на солнце серебрится чешуя. Нельма подплыла к борту их лодки, и они зарубили ее топором. А была она килограммов на восемнадцать. Обычно вечером разжигали костер на берегу и варили уху, а на другой стороне острова жили журавли. Их никто не трогал, только слышно было их воркование, а днем видно, как они играют: красиво, величаво, крылья большие, как будто борются два медведя. Вечером Славик бежит на зорьку, утки было

много, смотрю, приносит две - пять уток. Плывем со Славиком, смотрим, недалеко от нас из сетей вышла нельма, и плывет то боком, то на гребень встанет. День был жаркий, и мы были в плавках. Славик хватает нож и к нельме тихо подплывает, и заколол ножом нельму в 16 кг. Я уже говорил, что в тот год нельмы было много. Плывем со Славиком, я смотрю, подле борта лодки что-то черное стоит, я потихоньку снимаю греб и ударил, всплыла нельма, правда, небольшая, на шесть килограммов. Когда брат Павел работал на Сотниковском участке плотовым, тоже ездил плавать. Там около Сотниково на другом берегу был хормогутовский плав. Поехал он с напарником и меня с собой взял, и поймали мы осетра на 60 кг, только икры был целый пуд. Как-то осенью, уже закончился плав, пролетали снежинки, А.И. Сыченко выезжал на плав со Шмелевым К.И., потомственным рыбаком, с детства до самой старости он всегда был рыбаком, бригадиром рыбодобычи. За рыбу и ордена получал. Мы со Славиком каждый год плавали до самых заморозков, и в тот раз поплыли, и нам попал осетр на 40 кг. Подъехали к лодке Шмелева, я спрашиваю у Сыченко А.И. про улов. Он говорит, что ни черта нету, вон несколько налимов да пару щокурей, разновидность муксуна. Я открываю брезент, а в лодке лежит осетр, и нельма тут, да с десяток щокурей. Сыченко глянул и говорит: «Ну вы даете!». Я отвечаю, что с осетра уху варим и малосол делаем. Он говорит, что сдать надо. Сдали, а на душе кошки скребли. Обычно поздней осенью осетр не ловится, это был редкий экземпляр.

Как-то мы со Славиком задержались, мне надо было обеспечить рыбаков, и выехали только к обеду. Погода была тихая, солнечная. Заехали на замет. Славик начал метать, а я смотрю: с юго-запада наплывает туча, не черная, а какая-то бурая, зловещая, и начал подувать ветерок, я Славику говорю, что надо сети выбирать, иначе их потеряем. А он говорит, что тихо пока. И тут начался такой шторм, он и сеть не может вытянуть, кое-как вырвал сети, а нас уже несло против течения, как лепесток по ветру. И не волна, как обычно, величавая с белым гребнем, а такой плескун, до метра высотой. И река белая, зловещая, и мотор не заводится. Я кричу Славику, чтобы держал руль, а я буду помогать. Как вдруг нас так подбросило, что прямо в речку Сактас на горной стороне угодили. Мы причалили к берегу около большой ели, выскочили из лодки - и под эту ель. Все промокли, разделись догола, а комары, почуяв нас, хорошо кусали. Вся это кутерьма проходила не более получаса, и снова засияло солнце, и стало так тихо… Только комары поют свои песни и

ель, под которой мы стояли, так мне напомнила лесные запахи, даже сердце защемило… Как-то, работая еще в леспромхозе, я зашел на вырубленную лесосеку, выруб был на пригорке, а день был жаркий, тихий, сел я на пень, кругом хвойные сучья, а воздух до того насыщен хвоей, что даже дыхание захватывает, даже комаров не было, чистая лечебница.

Как ни хорошо в рыбозаводе, а все равно основная жизнь была отдана лесу. Как-то, когда мы еще строили Горнореченский ЛЗУ, вода была маленькая, и часть рабочих рыбоучастка перешла в леспромхоз. В леспромхозе вроде бы и зарплата стабильная, но как появилась в реке рыба, рыбаки снова ушли в рыбоучасток. Видимо, человек так устроен. Я работал в рыбозаводе, мы со Славиком рыбачили, работа вроде как бы интересная, но это адски тяжелый труд: ветер, дождь, снег, буря… Надо упираться из последних сил. Едем со Славиком на замет, дело было к осени, уже пошла утка на юг. Я рулю лодкой и смотрю по сторонам: кругом летают утки, над водой летают чайки и разная птица. Смотрю: на берегу стоит кулик на одной ноге и о чем-то мечтает. А с островка пролетела стайка лесных голубей, а у берега в заводи сидят все утки- крякушки. И всей этой живности по всей реке множество. Я смотрю на реку, а посреди реки что-то черное, я повернул лодку от берега и поехал ближе к этой черноте. Смотрю, стая большая уток чернеет. Я Славику говорю: «Я сейчас с подветренной стороны буду подъезжать, а ты будь готов». Я еду, у Славика карабин десятизарядный, ну, думаю, сейчас поедим уток. Подъехали почти вплотную, они из-за ветра нас не слышат. Славик бух из ружья, а утки улетели. Наверное, всего штук пять убил. Я спрашиваю, чего же так. Он сидит, матерится, грозится заевший карабин в реку бросить. Я успокаиваю, мол, ну вот и хорошо, видимо, нам столько и положено, тебе хватит, а я черное мясо не ем, здоровье не позволяет. Лодка была оборудована, с собой котел и все рыбацкое снаряжение. Пока плывем, Славик обработает стерлядок -и вот готовая уха, поедим - и на замет. Мы договорились спиртное с собой не брать.

Рыбозавод работал, развивался, был построен новый холодильный цех, администрация района оказывала предприятию практическую помощь в развитии. Рыбозаводу повезло, что вместе с развитием рыбозавода рос и его руководитель Сыченко Александр Иванович. Наш мир открывается не каждому, надо иметь в сердце самоцвет, чтобы услышать зов природы. Александр Иванович, по всей вероятности, родился в сердце с самоцветом. Он был руководи-

тель с большой буквы, он знал природу, он мог направить рыбаков туда, где обязательно будет большой улов рыбы, и был всегда в почете. Имел много наград, званий: заслуженный работник Югры, Тюменской области. Мы с ним и его женой Алевтиной Тимофеевной часто бывали за одним столом: то у них, то у нас. С ним было легко разговаривать, общаться, и коллектив рыбозавода его любил. В праздники и в другие мероприятия, особенно в дни пенсионеров, всегда всем коллективом собирались в столовой рыбозавода, а в день рыбака - в столовой торгово – розничного предприятия. Чествовали передовиков производства. В день рыбака еще выезжали на природу на Сактас и там гуляли, варили уху. Уха - основа стола. И никогда никто не мог повести себя неприлично. Песни, танцы смех… Такие мероприятия посещали руководители района, партии, райисполкома, чествовали передовиков производства.

Работая в леспромхозе, мы приглашали друг друга поехать в Горнореченск. Поехали мы вместе. День решали свои вопросы, а к вечеру они с Шатовыми решили поехать на озеро, проверить подъем карася. Наступал какой-то праздник, и Александр Иванович решил, чтобы в продаже был карась. Поехали на двух шлюпках, несколько раз садились на мель, моторы «вихрь» гудели на всю округу. Подъехали к берегу, трава, шиповник выше роста человека, береза уже набрала серьги. До озера около часу ходьбы. Подошли к озеру, и оно как будто вскипело, столько поднялось утки, видимо-невидимо. Я уговорил Шатова Валерия поставить одну сетку. На озере была тишина, и такие отблески, как будто облака купаются в этом озере. Я сел на высокую кочку, сижу, подошел ко мне Александр Иванович и мы вместе стали любоваться этой красотой природы. Смотрим, в левом углу озера стайка уток ныряет, одна за другой добывает себе корм, мимо нас плывет ондатра, я думаю, она запутается в сетке. Слышим, забулькала рыба в сетке, мы пока сидели, насчитали штук тридцать, значит, карась в озере есть. Смотрим, на той стороне, что-то черное копается, пригляделись, барсук делает себе домик, таскает ветку за веткой. Шатовы ушли от нас, у них на озере были спрятаны лодка и большой неводок. Смотрим, они закинули невод, и мы пошли к ним помогать. Подтянули, невод не подходит, видно, полный рыбы: кроме карася, был еще щурогай, который надо вылавливать, иначе щука погубит карася. В неводе очень много мелкого карася, его обязательно надо выпустить, будет жить, размножаться. Возимся с сортировкой рыбы, а я встал, оглянулся: на озере сели два лебедя. Это сказка, величавые шеи вытянуты, красота да и толь-

ко. Мы набрали килограммов сто крупного карася и стали перетаскивать к лодкам. Была уже глубокая ночь, но летние ночи светлые, и мы не смогли уехать, пока не сварили уху. Уха из свежего карася, сваренная на костре, это шедевр, которого не купишь ни в каком ресторане. Начало светать, поплыли обратно, потянул ветерок, и мы поехали в поселок. Подъехали к Оби, а переехать не можем, пароход тянул плотоматку, может, не такую большую, как раньше, не тридцать тысяч, тысяч шестнадцать. И нет на плотоматке чертового колеса, стоит лебедка, маленький шатер и четыре человека вместо тридцати. Я вспомнил свою молодость, вспомнил магазин, стоящий на плотоматке, где мне пришлось торговать, и хантов в маленьких колданках, которые привозили нельму, спрашивая «винка есть», и как-то в душе это далекое ушло за горизонт, как будто это было не со мной. Я рассказал Александру Ивановичу, как я плавал с плотоматкой. Он сказал, что жизнь интересная штука, если кто ею дорожит. Прошла плотоматка, мы переехали через большую Обь и оказались у острова, это плав Шатовых. Они доехали, провяз выкинули, плывем все ближе к дому. Попало несколько муксунов и осетров. Так прошла красивая удачная ночь, утром снова на работу.

Жизнь продолжалась, в рыбозаводе я руководил сетепосадочной, пришлось снова переучиваться, провязы я садить умел, а вот чердаки - это очень большие сложные сооружения, ставят их посредине Оби и в них ловится разная рыба. Вентиря - это береговая ловушка. Мастером по всем этим работам была Барабанщикова, она была мастер на все руки. Вентиря мы со Славиком ставили и ловили до 30 тонн рыбы. Во время загара, то есть зимой, когда реку и берега закроет лед, кислороду в реке становится недостаточно, рыба идет к живунам, к речкам и другим местам, где есть кислород, и там отстаивается до потайки. В это время ее ловят вентирями. Мы со Славиком на «буране» поехали посмотреть живуны, это места, где из нор земли идут фонтанчики, рыбы там набивается плотно. Смотрим, снег как бы парит, потихоньку обошли этот живун и с берега начали сачками убирать снег. Смотрим, щучьи головы торчат. Мы давай потихоньку черпать сачками, а рыба лезет к берегу, так мы с ним начерпали около двух тонн. Рыбак работает так: или пан или пропал. Бывает, долбишь, долбишь лед - и на уху не поймаешь.

Наступило лето. Мы со Славиком снова на плаву. Едем на нашем луноходе на плав, погода тихая, но пасмурная, в такую погоду без накомарника или мази комары и мошки сожрут, жуть, в трусах не будешь находиться.

Мы подъехали уже ближе к замету. Коряга плывет, а похоже на лосиные рога. Подъехали ближе, лось плывет, такой большой, что рога как сучки громадного дерева. Славик говорит, мол, давай подъедем, а были уже ближе к луговому берегу, я: давай так полюбуемся. Это не редкость, когда лоси, медведи переплывают на луговую сторону, от комаров и оводов, которых на горной стороне предостаточно, даже в ветер их много-много на горной стороне, а в лесу всегда тихо, потому звери и переплывают на луговую сторону. Там простор ветру, и там меньше комаров и других насекомых.

Вода была маленькая, рыбы было мало, а Славик начал строить дом, надо было учить детей, и он уволился с рыбозавода, пошел работать к газовикам на контрольную точку, которая находилась километров в сорока от Приобья. Как-то осенью он звонит мне: « Василий Иванович, приезжай в Приобье, я тебя встречу. Брусники и клюквы много, да от дома отдохни». Я собрался и поехал, он меня встретил. Там стоял барак, правда, разделенный на комнаты. Славик мне выделил комнату, помылись в бане, наутро пошли по ягоды. Он взял ружье. Без ружья, говорит, здесь ходить нельзя, много медведя. Медведей мы не видели, но медвежьих следов везде полно, вышли в мелколесье, по кустам и верхушкам сосен шуршит ветер, небо заволакивают облака. Разноплановые, они спешат в одну сторону, и постоянно мелькают очертания. То превращаются в больших птиц и мчатся, раскинув перистые крылья, то сворачиваются в клубочек. Под ногами брусника, клюква, немного обошли - с болота голубика, земляника, костяника, черника, грибы. Приятно все это видеть, а приятней всего, когда возмешь в рот ту ли другую ягоду, почувствовать сладость и кислинку во рту. Набрали по два ведра брусники, со мной еще были жена Славика Шура и Шурина сестра. Они держались около меня, боялись, чтобы не заблудиться и медведя не встретить. Идем к бараку, ветки за одежду цепляются. Трава высокая под ногами поскрипывает. Бабочки, стрекозы, комары да мошки мельтешат перед глазами. Но все равно, замечаешь, как богат лес! Как многолик! Пока мы брали ягоды, Славик в озеро поставил сети, попало десятка полтора карасей, да таких громадных, каждый по 5-6 кг. Я таких в жизни не видел. Поставил сети, налетели утки, убили парочку, женщины взялись уток обрабатывать, а мы со Славиком взялись за карася, готовить уху. На улице развели костер, хотя в бараке есть газовая плита. Но уха, на костре сваренная, пахнет дымком, это совсем другое. Вот женщины уже поставили варить уток целиком (не резаные - это совсем другой вкус), пока шло

приготовление ужина, женщины по очереди сходили в баню, очередь наша со Славиком. Уху убрали с огня и повесили рядом, чтобы потомилась, напрела. Березки рядом, наломали два веника и тоже в баню. После бани сваренная уха да утки прибавили аппетит, но без бутылочки водки тут уж никак нельзя. Я хоть больше сорока лет спиртного в рот не беру, но уха, налитая в кружки, пьянит не меньше водки. Женщины тоже за компанию выпили по рюмочке, развеселились и давай петь песни. Помню, как душевно пели: «Каким ты был, таким ты и остался, казак лихой, орел степной»... Так мы со Славиком, обнявшись, сидели и еще пели много песен.

Страна наша - Россия и север –Югра - это уголок природы, где красота природы, вместе с ее суровостью, в человеке пробуждает гордость за свою прекрасную родину.

Всему свое время. Легли спать, слышу, ночью собаки подняли такой шум, что я проснулся и понять ничего не могу. Встал Славик, вышел из дверей полуголый, с ружьем. Я спрашиваю, что там, он говорит, что, наверное, опять пришел медведь. Медведица с двумя детенышами часто ходит за баней. В кузове от автомашины свалку сделали, вот они туда и наведываются. Вышел Славик на улицу, выстрелил в воздух, и такой шум сделался, слышно, как ломаются деревья, медведи дали деру. Так я провел у Славика в гостях четверо суток. Набрал всяких ягод да еще сделал несколько березовых веников, и поехали мы домой. Ягод набрал, за зиму не могли съесть. Хорошо там, но опасно, газопроводные трубы стареют и начали часто лопаться, а это взрывоопасно. Я остался работать в рыбозаводе, Славика мне не хватало. Но в летний период на время отпуска устраивался на рыбалку Суханов Александр Васильевич, это сын Суханова Василия Ивановича, который в Заречном нам помогал устроиться. Они –тоже ссыльные и предки их знали друг друга. Они тоже переехали в Октябрьское. Саша с женой Галей Сухановы тоже живут много лет вместе. Их дочь получила высшее образование. Живет и работает в Екатеринбурге. Саша нам приходится родней по Галиным родственникам. Мы с ним рыбачили. На берегу сделали навес, где всегда горел костер. Здесь мы варили уху.

Тоже было много разных приключений, на которых я останавливаться не буду. И сейчас Саша нам всегда помогает, что бы у нас ни случилось. Поймает рыбы, звонит: «Идите,возьмите!».Или сам принесет. Человек человеку всегда друг, если это идет на благо жизни.

А жизнь продолжается…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь идет своим чередом, сменилась форма жизни, не стало страны Советов, началась новая жизнь, жизнь, где человек вроде бы как стал свободнее, раскрепощеннее. Но каждая жизнь для человека имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, стала быстро развиваться нефтегазовая промышленность, особенно в Югре, нашем округе, в то же время забыли про сельское хозяйство, лесную рыбную промышленность. Опустели в районе целые поселки: Сосновка, Осиновка, Большой Камень, Кормужиханка и другие, где народ был оставлен на выживание. Ликвидирован Октябрьский леспромхоз топливной промышленности, которому я посвятил свою основную жизнь. Ушел в давность Октябрьский рыбозавод. Сыченко Александр Иванович, 40 лет бессменно возглавлявший это предприятие, также ушел из жизни.

Время идет, понемногу начинают возрождаться лесная промышленность, сельское хозяйство. Как я уже сказал, бурное развитие получила нефтяная и газовая промышленность. Из захудалого городишка, деревяшки, Ханты-Мансийск стал городом всесоюзного значения. Появилась асфальтовая дорога от Приобья до Нягани и Ханты-Мансийска. Величавый мост через Иртыш- реку построили - налюбоваться на него невозможно. Биатлонный центр, Дом правительства, Дом Дружбы народов, речной вокзал, построенный в виде корабля бело-голубого цвета. И многое другое. За красоту город называют маленькой Швейцарией. Много лет бессменно возглавлял наш Югорский округ Филипенко Александр Васильевич, и в этом нам, югорчанам, повезло. Построены новые города. Сургут из маленькой деревушки превратился в самый большой город нашего округа. Нижневартовск разросся. Нягань была сначала даже не деревня, а несколько домов, в которых жили смолокуры, гнали смолу из дерева. Потом появился лесоучасток. Доехать туда можно было только на лошадке, сейчас на этом месте огромный город со спортивными сооружениями, кинотеатрами. Построена больница окружного значения и многое другое. С развитием цивилизации в нашей местности в Нягань уже можно было ехать на автомашинах по зимнику. Раньше в гору машины таскали друг друга, теперь бетонка до спуска на Сергинскую протоку. Едешь на автомашине до Нягани и глазам сво-

им не веришь. Справа, как исполины, шагают по болотам и горам линии электропередач. Слева - железная дорога, по которой бегут поезда с пассажирами, нефтью и другими материалами. Вспомнишь про старые времена - и как-то на душе неуютно. Умирали несколько десятков лет назад на этом месте у пня забитые плетью ссыльные переселенцы. Но человека победить и убить нельзя, особенно россиянина, он все выдержит.

С развитием округа развивался и Октябрьский район. Поселок городского типа Октябрьское так же рос. И растет до сих пор. Я хорошо запомнил эпизод, когда Виктор Иванович Гварждец, царство ему небесное, на автомашине застрял на улице Дзержинского, я пошел за трактором, но никто не хотел вытаскивать, пускай, говорят, строит дороги. А теперь по поселку уложены плиты, каждый год хоть понемногу, но ремонтируют дороги, кладут новый асфальт, пешеходные дороги. Построили большой больничный комплекс, лыжную базу. Строится большой клубный комплекс, в стадии строительства школа. Появился бизнес-центр. Понастроили пятиэтажные дома. Рядом совсем молодой поселок газовиков – Андра. Да много того, что радует глаз. Много лет бессменно руководил районом Киприянов Андрей Кириллович. Наш, местный, представитель коренных народов Севера.

Идет время, бегут годы, и я решил поехать в Чебаркуль, повидать дочь, сестру, теток братьев и отдохнуть в санатории. Приняли хорошо, дали комнату на одного и лечили очень хорошо. Санаторий «Яловой» находится на берегу большого озера, в сосновом бору, коллектив там работает вежливый, внимательный. Был март, было тепло, сидеть в комнате было невозможно, я ходил по сосновому бору, снег подтаял, и озеро на этом фоне выглядело серебристым, а рыбаки на озере сидят, как черные кочки, добывая окуней, как раньше мой прадед. Посредине озера стоит зеленый остров, он небольшой и кажется, будто по озеру идет пароход во всем великолепии зелени. Берега озера подтаяли, и камни над обрывом висят, словно хотят улететь в еще неизведанные дали. Среди великолепия сосен, у которых только на вершине зеленые ветви, а стволы этих сосен отливают цветом золота, стоят березы. У земли они не белые, а черные, как будто кто надолбил камни и обмазал стволы этих берез, а на самом деле это вековые березы, которые стоят столетиями, напоминают молодым поколениям о былом. Среди всего этого великолепия в бору стоит часовенка, вся белая…А вокруг этой ча-

совенки растут молодые сосенки, и словно мысленно говорят: Россия жива, крепка природой и народом, который в любую годину живет и радуется. Часовенка работает два дня в неделю, прихожан очень много, я тоже ходил. После молитвы чувствуешь себя так, как будто кто снял с тебя все, что беспокоило тебя, и становится легко, и хочется жить.

Внизу у берега озера стоит бар «От Федора». Я зашел в него, посетителей не было, одна молодая девушка, обслуживающая в баре, подошла ко мне, я заказал чашечку кофе, она принесла и села со мной рядом, разговорились, оказывается, она местная, живет в Чебаркуле и ей очень знакома жизнь дедов и прадедов, и это меня и удивило, и порадовало: молодое поколение чтит память предков. И это здорово. У входа в бар стоит старая телега, вся почерневшая от старости, рядом на дереве висит хомут, и все это напоминает о том, что наши предки на этих телегах возили летом сено, зерно, и все, что нужно было, чтобы прокормить свою семью.Все, что своим трудом было нажито, и все в одночасье когда-то отобранное оголтелыми голодранцами. А у бара играет музыка, напоминая о том далеком времени: «В одном прекрасном месте стояло три сосны»... Они, эти сосны, и сейчас стоят, напоминают нам о былом.

Иду по дорожке, посыпанной песочком, идут дети, смеются, дети разного возраста, все одетые в хорошие костюмы и красивые кофточки, у многих мобильные телефоны...И вспомнил свое детство: были у меня одни штанишки, ночью мама их выстирает, починит, откатает вальком - и я был снова всегда чистый и опрятный. Посмотрел на эту молодежь - и на сердце стало радостней, видимо, не зря мы, старшее поколение, трудились... Мало, к сожалению, у нас книг на севере о жизни преселенцев, которые в дальнейшем совместно с местным населением, людьми разных национальностей, Север превратили в цветущие города, поселки, с современными дорогами, линиями электропередач...

Мне вспоминается, когда меня отправили в Алешкино, в Приобье, на берегу стоял старый, на бок свалившийся домик, это был магазин, и с десяток таких же домиков, куда потом тоже приезжали ханты на летнее стойбище. Со временем начала развиваться лесная промышленность. Пришла железная дорога и началось бурное строительство поселка. Через какое-то время приехал - не узнать поселка, была пойма заливная - стоит двухэтажный дом, и от заливных лугов не осталось и следа. Намыли песок и на этом строили. Смот-

рю и глазам своим не верю: стоят семь башенных кранов и полуавтоматическая линия, а ниже по течению протоки построен причал с крановым хозяйством, углубили протоку - и сейчас туда заходят большие танкеры, толкачи, метеоры. Это стал большой железнодорожный узел, и маленький поселок с юртами превратился в поселок городского типа. И нельзя не вспомнить стихи приобской поэтессы З.И. Пашиной «Три цвета Сибири»:

Я славлю Приобье-
Глубинку России,
Край чудной природы
И смелых людей.
Слились воедино три цвета Сибири
В святом триколоре
Отчизны моей.
Цвет белый – сибирские
Белые зимы
И омут цветущих
Черемух весной,
И гордый полет белых
Стай лебединых,
И белая ночь
Над уснувшей тайгой.
Цветут синевой небеса
Над Приобьем,
Высокий и чистый
Атласный шатер,
Его отражает
Речное приволье,
Глаза голубые
Зеркальных озер.
А цвет ярко – красный –
То зори Сибири,
Что утром встают
Над обскою волной.
Багряные факелы
Спелой рябины
И ягодный сок
На полянке весной.
Я славлю частицу
России - Приобье,
Край нефти и газа,
Край смелых людей,
Пусть вечно сияют
В святом триколоре
Три цвета великой
Сибири моей.

Я счастлив, что хоть и в трудные времена, я родился в Сибири. Мои родители воспитали меня, Югра стала моим родным домом, и я этим горжусь. Я все силы и знания отдавал на развитие Югры и Октябрьского района, и считаю, что я жизнь доживаю не зря. Я оставил большой след в моей жизни. У меня две дочери и сын, две внучки и внук. Уже и правнучка есть, и это тоже моя гордость.

Решил я летом с сыном Александром поехать на мою родину – в Подгорное. Проехали Б.Атлым, протокой заехали в ручей, который летом заливается водой, и с западной стороны п. Подгорное образуется как оазис, с одной стороны - пойма с ручьями, с другой стороны - крутой берег, как ледокол, смотрит на это величие, начало

бывшего поселка. Подъехали, где была главная улица, а в речке плещется рыба, видимо, щука гоняет молодь. Вышли мы на берег, поднялись. Где была улица, стоят сплошь белые березы по 12 -15 метров высотой, и безмолвная тишина. Правильно говорили наши прадеды, что был лес и снова будет лес. И они видели вперед на десятилетия. Слева улица: прямо у берега стояла баня деда Баландина, а чуть выше стоял слева двухквартирный дом, где жил дед. Дед мало появлялся на народе, жил сам по себе, и я не знаю, с кем он жил, но он был столяр, делал по заказу табуретки, скамейки, коромысла и другую утварь. В 1930 году дед подарил маме коромысло. Оно и сейчас у меня хранится. Справа улицы - дом Бахарева А.П., бессменного председателя колхоза. Из дома всегда пахло пирогами, и мы, ребятишки, бегали нюхать этот приятный запах, как будто там нас кормили, но этого никогда не было. Мы спустились обратно к лодке и поехали по ручью выше к истоку. Остановились у ложка, это была верхняя улица. Вышли из лодки, немного поднялись по улице, первое справа строение - это была баня деда Ильиных. Вместо бани теперь бугорок, заросший бурьяном. Рядом чуть выше стоял дом Ильиных. Жили они с бабой Раей. Он был маленький, дед Илья, а баба Рая - высокая властная женщина. Дед кричит, бывало: «Рая, Рая, иди сюда, у меня ноги болят, терпенья нет». Баба Рая придет, нагреет сковороду, нальет спирту: «Иди, дед, ставь ноги». Дед поставит ноги, а баба Рая уходит к скотине. Немного пройдет времени, дед вылечится, поет песни. Там вдали, у ложбины, громко пел соловей – Ильин дед умер, а баба Рая переехала в Октябрьское, где тоже ушла из жизни. Слева улицы бугор - свалившийся и сгнивший дом, заросший бурьяном и большими березами. Этот дом - моя родина, в этом доме я родился в тяжелые тридцатые годы. Я подошел к дому, встал на колени, перекрестился и ничего не мог сказать, по щекам текли слезы. Подошел с другой стороны к дому, взял нож и накопал земли, земля черная, я взял пакет и наложил земли, это земля моей родины, моей Югорской земли, земля России. Это землю я увезу с собой, и когда буду уходить к предкам, попрошу, чтобы эту горстку земли положили мне в домовину. Рядом во второй половине жили калмыки, кто где - теперь знает один Бог. Эти калмыки были очень хорошие люди, их бабка каждый день разжигала костерок и варила кобылье молоко, которое помогало нам выжить. Я по-

дошел туда, где бабка жгла костер, и мне показалось, что от этого костра и сейчас идет тепло. Справа, впереди Ильинского дома, через переулок стоял дом, где жили тетя Дуня с дядей Колей, братом моего отца, Коковины. У них в семье было четверо детей - два сына: Виктор и Михаил, и две дочери: Лидия и Клава. Они сейчас живут в Чебаркуле, Челябинской области. Все имеют своих детей, внуков и правнуков. Я когда приезжаю в Чебаркуль, то у них самый желанный гость. С братом Виктором мы как родные братья, и жена его, Маргарита Васильевна, такая прекрасная женщина, всех хочет накормить, рассудить, и это у нее получается отлично. Когда приезжаем в Чебаркуль, то у нас ритуал: собираться у сестры Клавы, ходить в баню. Потом небольшое застолье. Сидим за столом у Клавы с ее мужем. Клава говорит: «Сколько бы я отдала, чтобы съездить к себе на родину, в Подгорное. Ничего мне не надо, стала бы я на колени, перекрестилась и сказала: спасибо тебе, земля, за то, что я родилась на этой земле и я благодарна, что я есть. Взяла бы горсточку земли и было бы это самое дорогое в моей жизни. Сходила бы на кладбище, положила цветы. И это я считаю исполнением моего долга, там лежат люди, которые своей жизнью дали нам жизнь».

Недалеко от моего дома, теперь бугра, заросшего бурьяном, поднимешься в гору, а там кладбище. Лесом оно не заросло, почему - ответа на этот вопрос никто сказать не может. Могилки все заросли, сравнялись с землей. У нас там похоронена моя бабушка, мать моего отца. Гордая была, угодить ей было очень сложно. Маму мою она как- то не очень любила, хоть жила она больше у нас. Как-то раз встала утром, мама говорит: «Садись, позавтракай, а то будешь день голодом». «Пойду к дочерям, накормят», - отвечает. Ушла. Приходит, мама опять зовет ужинать, не хочу, отвечает бабушка, в гостях была, легла спать. Ночью мама слышит: бабуля не спит. Мама прислушалась, что она шепчет: «Глазенки, глазенки, чего не спится? Или есть хочется?». Мама встала, вскипятила чаю, направила на стол и говорит: « Ну-ка, вставай, иди ужинать!». Хотя это была глубокая ночь. Бабушка рассказывает: «Пришла к одним, пришла к другим, и никто не накормил». Как-то быстро она свернулась, пришла к нам и умерла у моего отца на руках. Где-то похоронен друг моего детства, тети Насти Пименовой сын, от бедноты и туберкулеза скончавшийся. Тишина на кладбище. Лишь где-то пролетит синичка, хвостиком

взмахнет и улетит, и кругом медвежьи следы, теперь они хозяева этой земли, а медведей там, говорят охотники, целые табуны ходят. Мы не видели ни одного, кроме следов, да лежанки, где они спят.

От кладбища на восток стояла большая школа, в которой я учился, был октябренком, пионером, ниже стоял интернат, где жили дети ханты. Их хорошо одевали, покупали всем пальто, кисы, хорошо их кормили, а мы жили тем, что Бог подаст. Ближе к середине поселка стоял большой клуб, где проводили праздничные мероприятия, крутили немое кино. Денег платить не было, так мы обязаны были крутить генератор, это большая ручка, и когда ее крутишь, то показывает на экране кино, и это для нас было настоящее зрелище. Теперь вместо клуба большой бугор, заросший бурьяном, как будто большая братская могила, где похоронено все, чем мог жить человек на данной территории. Справа детский сад, такой же бугор. Здесь я воспитывался с младенческого возраста до семи лет. Я мало что помню, но это был садик с большой буквы, там были воспитатели, которые не делили детей на своих и чужих, и у меня до сих пор тепло в душе, когда вспоминаешь про свое детство. Это был садик-ясли, потому что женщина, родившая ребенка, на четвертый день должна была выйти на работу, в том числе и я был сдан в ясли на четвертый день. Идем дальше: справа стоял большой бондарный цех, он стоял около болота, где всегда квакали лягушки. Подошли к этому болоту, а лягушки как квакали, так и квакают: это вторые жители после медведей. Мы в детстве их ловили, надували, это ж было детство. Мы не знали, что лягушки где-то деликатес, если бы знали, мы бы, наверное, их выловили и съели. Посредине поселка стояла контора, где вершились все дела. Кого помиловать, кого отправить в кутузку, с которой никто никогда не возвращался, там вершились все судьбы целого поселка. Теперь груда сгнивших бревен на этом месте, даже бурьян не растет. Видимо, это до того поганое место, жизнь людей сравнивали со смертью, где меня в 15 лет под пистолетом хотели отправить в Лорбу на лесозаготовки, несмотря на то, что мать больная лежит, не может подняться, а сестра начала сходить с ума от голода, из-за моего упорства. Мы в тот период сумели сохранить себя. Чуть правее зерносушилка, где сушили зерно, выращенное на подгорновских полях, ячмень, пшеницу, овес и другое. Чуть левее стоял двухквартирный дом, в который мы переехали, тот дом, в ко-

тором я родился, был очень холодный. С этого дома я уехал в армию на три с половиной года, после армии отсюда я родителей перевез в Заречное.

Выше через улицу стоял дом Лукмановых, весь бугор от дома был заросший малиной. Дед Лукманов был очень хороший человек. Едет с водой мимо нашего дома, я уже рассказывал, остановится, спросит, воды надо ли, если надо - сам вытаскает и никогда ничего не требовал взамен. Семья была большая, мы с их ребятишками играли вместе. Дома друг от друга стояли недалеко. В доме были нары, сено на нарах и скудное тряпье. Когда у него заболела лошадь, и он ее заколол, он плакал, эта лошадь была кормилицей его семьи, молоко от нее - это была их жизнь. Когда он сварил эту лошадь в котлах, то пригласил весь поселок, кто нес брагу, кто что - и была большая поселковая гулянка. Недалеко жил его брат Хасан, он рыбачил. Когда идет домой с рыбой, подходит к нашему дому и кричит: « Возьмите рыбы!», и так пока идет до дома - раздаст всю рыбу. Вот такие хорошие люди жили в этом поселке, неважно, какой национальности, а там жили люди со всех республик, жили дружно, одна беда - район ссыльный.

Недалеко от нашего дома стояла мельница и дизельная станция, которая крутила эту мельницу. В поселке никогда не было электричества. Высушенное зерно в зерносушилке мололи на этой мельнице. Зерно было немного недоспелое, и когда стряпали хлеб, его можно было прожать между пальцев, но пайка в 300 граммов на рабочего человека была ох как сладка. Мама делит, делит на нас троих эту пайку да как заревет. Справа стояли амбары с мукой, крупой, зерном, но мы от этого имели только запах выпечки у дома председателя. Дальше шли конные дворы, это целое кладбище сгнивших строений, и пустота. Один лишь бурьян над этими возвышенностями. Налетела стая ворон, каркают, как будто рассказывают о том, что здесь было и что осталось. Вороны, говорят, долго живут, может, среди них есть те, которые видели, как привезли людей в этот лес, как пороли плетьями, чтобы снова рос лес, и как-то на душе стало тоскливо и нехорошо. Мы попросили Андрея переехать к бакану, это выше поселка, а мы с сыном пошли дальше берегом реки вверх по течению. Вот здесь стоял кирпичный завод, где мама вручную делала кирпичи, наработается за день, к вечеру руки поднять не может.

Глину мешали, была вырыта яма, посреди ямы стоял толстый метровый пень, к нему привалено толстое бревно в диаметре около метра, в которое вмонтировано много поленьев, как ежик, второй конец привязан к стремянке и лошади. Лошадь ходит по кругу и таскает этого ежика, а землю и воду в эту яму эти же женщины таскали на носилках и обратно под навес, где женщины клали эту глину в формы и получали кирпич. Отопление поселка было печное, всегда нужен был кирпич. Пошли дальше, подошли к баканской горе (шаманской), река постоянно работала и подмыла гору, наверное, не меньше ста метров, и она кажется ниже, чем была раньше, но не потеряла той былой красоты, которая была раньше, только нет теперь того кедра, его смыло водой и унесло по течению реки. Не приезжают туда и ханты, чтобы задобрить духов. На гору мы не полезли, кругом лес, кругом тайга, еще раз надо сказать о наших предках, как они были правы - корчуем лес, умираем, но пройдут годы, и снова на этой территории будет расти лес, и он растет, но корни людей, выросших на этой земле, разрослись по всей России, работают, творят чудеса… Это наши дети и внуки, которых победить никогда нельзя. Подъехал Андрей, мы сели в лодку и решили спуститься вниз по течению и со стороны реки посмотреть поля, раскинувшиеся в тот период почти до Бльшого Атлыма, а теперь растет лес, береза вперемешку с хвоей, елкой, кедром. Отражают белизну той природы, которая была раньше.

И на душе как-то стало спокойно, хоть природа может исправить ошибки, которые допустил человек в те далекие времена. И хочется сказать слова, которые ежедневно повторяет радио «Маяк»: «А жизнь продолжается». Немного прошли вниз по течению, я попросил Андрея пристать к берегу. Решил пройти по полям, теперь здесь густой березняк и не найти те два пня, которые целым поселком, вагами (для бревна) выкорчевывали, и не один человек около них умер. Когда с Пименовой тетей Настей окучивали картошку на окучнике - я на лошади, она за плугом - в день проезжали не один десяток раз, а от пня к пню пробегали зайчата. Я забыть это не мог. Я нашел эти пни, на них не повлияло время, почти семьдесят лет прошло, а они стоят, как стояли раньше, словно хотят сказать: не можем мы сгнить и уйти в небытие. Слишком дорого все это обошлось народу, и до сих пор с этих пней выступает что то красное, как будто

кровь людей, умерших на этих полях. Уже время шло к вечеру, солнце стало садиться в закат, и блики его отражаются на ниже стоящем поселке Большой Атлым. Небольшой ветерок серебрит воды речки Батлымка-Золотое дно, которая в то далекое время спасла меня и моих родных от голодной смерти, дала нам рыбы, чебаков, которые мама жарила, сушила, делала рыбную муку, вялила - это все дало нам жизнь, а речка все та же, только маленько обмелела да чебак, который туда заходит, стал поменьше, но и сегодня бригада националов добывает его больше ста тонн и поставляет потребителю в сушеном, вяленом, копченом виде… Сам поселок немного обновился, тех людей, которые в те далекие времена переехали из Подгорного в Б. Атлым, уже нет, ушли к предкам, но некоторые националы еще держатся за свой родной край.

Выше по речке Батлымка был поселок Моим, в этом поселке жила хантыйка баба Аня. Маленькая ростом, наверное, не больше полутора метров. Она жила не в самом Моиме, а километрах в восьми по речке. Там стояла у нее избушка. Она была сильный охотник. Убивала медведей, лосей и разного зверя и птицу. Потом здоровье стало у нее слабое и она решила переехать в Октябрьское. В Октябрьском она быстро познакомилась с односельчанами и все ее уважали. Она почти каждый день ходила на Обь, ловила рыбу на удочку и никто с ней не мог сравниться по вылову рыбы. Купила корову. Мы с дочерью решили сходить в лес к моему кедру, к которому я постоянно хожу. Смотрим, идет баба Аня и несет сена полную матрацовку, ее не видно из-за этой охапки. Она остановилась, поставила матрацовку с сеном и спрашивает, а медведей не боитесь, а я говорю, что чего их бояться, пусть нас боятся. Баба Аня и говорит, что правильно, не надо бояться медведя. Если его не боишься, он рядом пройдет и никогда человека не тронет. Не бойтесь, говорит баба Аня. Они хорошие. Мы пошли с Валей, я решил сходить на гору. По ложбине поднимаешься в гору, и там всегда растут грибы, а поднимешься на гору - там всегда растет черника. Прошлый год поднялся на гору, а там, смотрю, медвежий след кругом. Перешли ручей, а там небольшое болото и четко видны свежие медвежьи следы. Валя испугалась и потащила меня обратно. В том году медведя было очень много. Целый табун медведей, больших и маленьких, жил все лето в Октябрьском на помойке. Многие ездили, фотографировали медведей,

но они не боялись ни людей, ни машин, так и жили они там до самой осени. Какой-то период бабы Ани не стало видно в поселке. Я давай узнавать, где она. Оказывается, она осенью, только замерзла река, завязала вымя коровы утеплителем и уплыла в Большой Атлым. Купила там домик и живет, ей тоже идет восьмой десяток. Видимо, родина человека зовет. Она живет теперь там, где ее предки похоронены. В Большом Атлыме еще живут несколько семей ханты, и может быть, есть родные того дедушки, который приезжал в Подгорное, на шаманскую гору, где стоял святой кедр и он просил приезжий народ - переселенцев не трогать ничего и не ходить на эту гору. И живущие там строго исполняли и соблюдали их законы, поэтому народ ханты стал единой семьей, со всем народом населяющий этот край. Поселки, построенные непосредственно под моим руководством, Горнореченское и Шеркальское ЛЗУ, постарели, многие дома пришли в ветхость, многие люди разъехались кто куда, но в памяти остается, как мы в Горнореченске ждали первого рожденного ребенка. Чествовали, как событие жизни этого поселка, гуляли первую свадьбу, и вся это было здорово. В Шеркальском ЛЗУ построили столовую, отделали, по тем временам, красиво, здесь жители поселка отмечали дни рождения, свадьбы, чествовали передовиков производства, и это была жизнь целого сплоченного коллектива. Многие до сих пор звонят мне, хотя им всем сейчас за шестьдесят, спрашивают о здоровье, поздравляют с датами, а их много - дни рождения, золотые свадьбы и другие. На Новый год звонил Онищук Анатолий, сейчас он живет в Талинке. Он гордится тем, что дети его получили высшее академическое образование. Сам еще работает в лесничестве.

Галина Елизаровна, моя супруга, шла все эти годы со мной в одну ногу, и не будь около меня такой женщины, я не смог бы столько сделать для развития нашего края. Живем с Галей уже пятьдесят три года. И не так давно, в воскресенье 31 января 2010 года мы повенчались в церкви, были дочь Валя, внучка Лена с правнучкой Софией, друзья Королики - Василий с Машей, отметили это событие в трапезной церкви. Нам повезло с соседями - Бушмановыми Надей и Сергеем - более двадцати семи лет живем вместе, их радость - и наша радость, их горе - и наше горе. Надя с Сергеем воспитали три дочери и сына. Сын рано ушел из жизни. Дочь Ирина живет

в Тобольске, имеет двоих детей, вторая в Югорске, тоже двое детей. Наташа живет в Октябрьском, у нее сын. Все дети получили высшее образование. Мы обвенчались, я звоню Наде: «Иди, поздравь нас», но она была занята и говорит: «Как нам повезло с соседями: и повенчались, и баня у над одна, и всегда в готовности - иди и мойся». Я считаю, что все или и почти все относятся друг к другу с уважением, так могут жить только народы Югры. На югорской земле живут многие поколения, которые умножают богатство земли югорской

...Приехали к Бушмановым зятевья, дочери и пятеро внуков, сделали ребятам спортивный уголок. И детский голос с утра до вечера звучит по всей округе. К нам с Галиной Елизаровной тоже приезжают дети, внучки и правнучка Софиюшка, наш ангелочек, и это продолжение жизни, нашего рода, и рода югорского.

Жизнь продолжается...

***

Хочу привести коротенькую цитату из песни, вероятно, хорошо вам известной: « Много раз тебя пытали, быть России иль не быть, много раз в тебе пытались душу русскую убить. Но нельзя тебя, я знаю, не склонить, не запугать...». Лучше и не скажешь. России повезло хотя бы в том, что расстрелянные люди не «канули в лету». Случилось это лишь потому, что «кулаки» имели детей и внуков, которые выросли и впоследствие стали надеждой государства, ее генофондом, ее опорой. Вот и меня заинтересовала судьба моих предков. В феврале 2008 года меня с Галиной Елизаровной, моей супругой, пригласили в Чебаркуль Челябинской области на золотую свадьбу к двоюродному брату Коковину Виктору Николаевичу с Маргаритой Васильевной, его супругой. Свадьбу праздновали в кафе «Ветеран». Когда собрались в кафе приглашенные на свадьбу, я у брата спрашиваю, кто это. Он объясняет: это сын Миши, его родного брата, это сын Клавы, его родной сестры, и так далее, половины родни не знаю, но все они красивые, сильные, развитые. Это те дети и внуки, которые возрождают Россию. Отгуляли, отгремели, познакомились с той родней, которая и сегодня не забывает своих предков. При разговоре с молодыми ясно, они чтят своих предков. Мне захо-

телось съездить на родину моих предков в деревню Верхние Караси Чебаркульского района. Деревня выглядит неплохо. Построено несколько домов новых русских. Вместе с тем два дома пятистенных - это предки по линии брата Виктора. Дом пятистенный Коковиных - по нашей линии. Дома стоят в хорошем состоянии, и вся деревня стоит на пологом склоне, лицом к речке, а дальше - большое озеро, и все это сейчас закрыто льдом и снегом, но сам вид говорит о великой красоте природы Южного Урала. На озере, на белой его глади, как черные кочки, сидят рыбаки и ловят окуня, чебака и другую рыбу, которой множество водится в реке и озере. Сбоку от деревни стоит магазин, можно купить все, что душа пожелает. Рядом с магазином на небольшой возвышенности начато строительство дома культуры. Но в связи со сменой системы страны церковь была возвращена народу. Оказывается, на этом месте раньше стоял храм Пресвятой богородицы, его сожгли во времена советской власти, а построена церковь была в 1856 году на жертвоприношения казаков. Теперь снова вместо клуба будет храм Пресвятой Богородицы. Так решили сельчане. В метрах пятидесяти, от места строительства будущей церкви стоит небольшой домик, его вид напоминает, что он был построен раньше, чем сами Караси, но этот домик является святилищем всей деревни, в нем клуб, библиотека, небольшой музей. И в этом доме работают энтузиасты своего дела, которые находят и помнят своих предков, и прежде всего это заведующая библиотекой. Это новое поколение тех предков, о которых мы сегодня вспоминаем. Мы зашли в библиотеку с моей сестрой Елизаветой Ивановной и она узнала заведующую библиотекой, они уже встречались в музее поколений, который организовала в Чебаркуле моя сестра: они нас встретили радостно, узнав о том, что нас интересует. У них имеется в библиотеке шкаф, в котором хранится то, что они сумели создать, найти, по вопросам предков. В поселке сгорел бывший дом советов. Когда начали разбирать фундамент сгоревшего здания, нашли обгоревшую книгу, это оказалась книга учета казаков Чебаркульской губернии. В этой книге мы нашли фамилии и наших предков, их детей. Эта книга хранится у них в музее. После поездки мы заехали к моей тетке Вале – Валентине Дмитриевне, это родная

сестра моего отца Коковина Ивана Дмитриевича. Ей 86 лет, она прибаливает, но и помнит все то, что происходило в тот далекий 1929 год. Шел разговор, что наших предков расстреляли, но никто не знает где, и тетя Валя мне раньше не говорила об этом. Когда зашел разговор, что я ездил в деревню Верхние Караси, она говорит: «А я знаю, где их расстреляли. Это идешь по лесу в сторону высокой Ильменской горы, там стоит чистый сосновый лес, и это место, как будто кто вымел метлой, и там был вырыт длинный ров, у которого их расстреливали, они падали и их сразу закапывали». Тетка Валя говорит, что сидела у этого рва и плакала, наверное, больше двух часов, но никто не сказал ни слова, только вековые сосны шумят своими вершинами от ветра, а внизу мертвая тишина…

Семья Дмитрия Иосифовича Ширяева

Дед Егор Поликарпович с семьей

Дед Егор Поликарпович с женой

Наше семейство - Коковины

После свадьбы я и Галя

Семья Коковина Ивана Дмитриевича

Вывозка леса на каламашках. Лорба

Вывозка леса на тракторе КТ-12

В армии

Провожу занятие в армии.

Коллектив Октябрьского промкомбината

Проводы русской зимы в Октябрьском

Лесосека. На отдыхе - В.И.Коковин

Машина ВТМ. Коковин В.И.и машинист Л.Б.Бортницкий

Гварждец Виктор Иванович,
Галина Коковина и Тамара Кумирова

Исполком райсовета. В.И.Коковин и С.С.Кумиров

На отдыхе: В.И.Коковин,
А.М.Колобов, завторг С.С.Кумиров

Друзья: мы с Галей, дочь Валя, Сыченко А.И.,
Сыченко Алевтина Тимофеевна, Королик В.Д. и Маша.

65-летие Победы: В.И.Коковин и А.К.Киприянов. пгт.Октябрьское

Сыченко А.И., Коковин А.И. и Королик В.Д.

Коковин В.И., Коковин В.Н.,сестра Лиза

Чебаркуль: музей. Я с сестрой Лизой

С сестрой Лизой и дочерью Людой

Музей в Чебаркуле

Золотая свадьба: вручение колец. ЗАГС пгт.Октябрьское

Золотая свадьба: поклон детей

Четыре поколения: В.И.Коковин,
сын Александр, внучка Елена, правнучка София.

***

Творческая жилка передалась по наследству. Пишет стихи сын Василия Ивановича Александр. Жизнь продолжается…

ОСЕНЬ

А знаешь, приятель, природа жива
Если смогу подобрать я слова,
То попытаюсь вам все объяснить,
Как осень на севере можно любить!
Сентябрьский вечер, ружье, костерок
Влюбился я с самого детства в нее
Я в гости на лодке к ней ездил своей
И думал, что скоро поженимся с ней.
Но видимо, молод совсем был тогда,
Уверен я был, что живая она.
Я часто на зорьке беседовал с ней,
Она отвечала улыбкой своей.
Траву причесав, щебетала листвой,
И я соглашался, кивал головой.
Если б, волшебником стал я тогда,
Осень оставил бы я навсегда.
Тут екнуло что-то и сжалось во мне,
Осень теперь обращалась ко мне.
Тихо, спокойно листвой прошептала:
«Ты девушку встретишь», и вдруг замолчала.
Больше она ничего не сказала,
Думаю я, что она ревновала.
Время промчится осенней грозой,
Девушка станет мне верной женой,
Я у других не украл ничего.
Осень, спасибо тебе за нее.

КОКОВИН Александр Васильевич

1р.

Василий КОКОВИН

А жизнь продолжается...

Редактор - Ермакова Наталья Владимировна
Верстка, дизайн - Волосовский Михаил Владимирович

Отпечатано в МАУ "Октябрьский
районный информационный центр".
Тираж 100 экз. Заказ №555.
628100 пгт.Октябрьское,
ХМАО - Югра, ул. Ленина, 11,
тел./факс (34678) 2-13-93
E-mail: okt_smi@mail.ru

Листок срока возврата

книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. пред. выдоч.

16/VII 82		

MKUK MBOR
0000001644

